

РОССИЙСКИЙ КОЛОКОЛ

2020

АЛЪМАНХИ
№ 4

МОСКОВСКАЯ ГОРОДСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

Альманах «Российский колокол»

Альманах
**Альманах «Российский
колокол» № 4**

«ИП Березина Г.Н.»

2020

УДК 82.161.1(051)
ББК 82(2)6

Альманах

Альманах «Российский колокол» № 4 / Альманах — «ИП
Березина Г.Н.», 2020 — (Альманах «Российский колокол»)

ISBN 978-5-907395-38-1

«Представляем читателям новый выпуск альманаха «Российский колокол». Как и всегда, он ставит себе цель – открыть читателям все богатство современной литературы, которая, с одной стороны, следует лучшим традициям классики, а с другой – ищет свои неповторимые пути. Издание, которое вы держите в руках, не является тематическим выпуском, поэтому нельзя сказать, чтобы собранные в нем стихи и проза были близки по настроению или затронутым проблемам. Но такова уж особенность талантливой, с душой написанной литературы, что единство и общность между авторами возникают сами собой...»

УДК 82.161.1(051)

ББК 82(2)6

ISBN 978-5-907395-38-1

© Альманах, 2020
© ИП Березина Г.Н., 2020

Содержание

Предисловие	7
Современная поэзия	8
Юрий Выборнов	8
Заветны мне	10
Ах, мысли, жаль	10
Путеводная звезда	11
Я с трепетом в углу стоял	11
Я давно поменял жизнь на мили	12
В дубравной тишине	13
Наконец погасли свечи	13
Отыскать бы мне, где...	14
Пылит дорога и уносит	14
Что наша жизнь...	15
Земной поклон	16
Как краток век	16
Несколько чаще	17
Сегодня в моде	17
Михаил Дьячков	19
Феникс	20
Кизи Кен «Пролетая над гнездом кукушки»	20
Я целую свой крест	21
Сергей Емельянов	23
Стихи случаются	24
Считалка	24
Сон	25
Три кота	25
Карантин	26
Мне надо много	27
Прости	27
Николай Ивлеев	28
О товарище Сталине, выигравшем войну	28
1	28
2	29
3	29
4	29
5	30
6	30
7	30
«Мы любим Сталина не просто так...»	31
Михаэль Казакевич	32
Паук, приносящий счастье	32
Руки матери	33
Так кто же? Я...	34
Поиск веры	34
Когда надежда, уходя...	35
Плохой солдат	35

Есть много стран	36
Чужая звезда	37
Маленький ослик	38
Мираж пустыни	38
Восстание Кораха	39
Одинаковые корни	40
Вечный счет	41
Откровение	41
Петренко! Слушаюсь!	41
Ты моя вселенная	42
Меж огнем и водой	43
Я дарю тебе Землю	44
Ода поэзии	44
Над молчаньем веков	45
Через море	46
Слушая «Лунную сонату»	46
Любовь на бис	47
Поэты короля	48
Между Небом и Землею	48
Вкус мятного чая	49
Голос мой	50
Минута памяти	50
Татьяна Калашникова	52
«Я отпущу на запад вдохновение...»	53
Ночь перерождения. Венок сонетов	53
Сонет первый	53
Сонет второй	53
Сонет третий	54
Сонет четвертый	54
Сонет пятый	55
Сонет шестой	55
Сонет седьмой	55
Сонет восьмой	56
Сонет девятый	56
Сонет десятый	56
Сонет одиннадцатый	57
Сонет двенадцатый	57
Сонет тринадцатый	58
Сонет четырнадцатый	58
Магистраль	58
«Многоэтажки тонут в золоте вечернем...»	59
«Этот мир, покрытый пеплом перламутра и печали...»	59
«Нет такой благодарности, чтоб отплатить за Победу...»	60
Панорамы ночных огней	60
Гротеск	61
За моей спиной – крыло ангела	62
Порода	62

«Мой околдованный сон...»	63
«Избиты все слова и фразы...»	64
Мелодия	64
Четыре гномика	65
Немые сонеты	65
Совесть	65
«Невольный вдох тревожит тишину...»	66
«Дождем умытый день окутал тихо плечи...»	67
Поэзия города	67
«А счастье любит тишину...»	67
Александр Клюквин	69
Ода России	70
От расхристанной души	70
Пленник мая	71
Олег Лубенченко	73
Космос как предчувствие	73
Без названия	77
Пчела и мотылек	79
Юлия Погорельцева	84
У глади незабудковых озер	84
Мастер-время	85
Голос в ночи	85
Под дождем	86
Сияет и искрится шелком пряжа	86
Моя любовь тебе навстречу	87
Наталья Пономарева	88
Три главных цвета России	88
Лето под знаком Франции, кофе и суфле «Жардан дю Монд». Гадание на кофейной гуще	89
Людмила Руйе	91
Русский или француз?	92
Оскар Ходжаев	97
Раздумья	97
Елена Шеремет	106
«Закатился солнца яркий шар...»	107
«Приласкает солнце небо...»	108
«Просто осень. Новолуние. Новый день, и яшень...»	109
«...Как судьбы полотно расшито!..»	110
«Я люблю, как и прежде, до дрожи...»	111
«Разноцветье и разнотравье...»	112
«То ускользают нити...»	113
«А знаешь, все еще будет...»	114
Современная проза	115
Андрей Белов	115
Иконописец	117
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Альманах «Российский колокол» № 4

Предисловие

Представляем читателям новый выпуск альманаха «Российский колокол». Как и всегда, он ставит себе цель – открыть читателям все богатство современной литературы, которая, с одной стороны, следует лучшим традициям классики, а с другой – ищет свои неповторимые пути.

Издание, которое вы держите в руках, не является тематическим выпуском, поэтому нельзя сказать, чтобы собранные в нем стихи и проза были близки по настроению или затронутым проблемам. Но такова уж особенность талантливой, с душой написанной литературы, что единство и общность между авторами возникают сами собой.

Ведь на самом деле художественное слово – это средство познания мира и жизни, но не рассудочное и сухое, не через формулы и алгоритмы, а иным способом, который трудно описать, но легко понять. Впрочем, литература вовсе не противоречит науке, есть такие сферы, где она ее поддерживает и дополняет. И речь идет не только о научной фантастике, которая так важна в своей сфере, но и об удивительном искусстве превращать в слово музыку, живопись и другие виды искусства.

Поэты слагают строку за строкой, кто-то рифмует, а кто-то вверяет свою мысль и чувство свободному стиху. Но рано или поздно за словами, соединенными в особом, внебытовом порядке, открывается что-то очень важное для автора и читателя, которые говорят и мыслят схоже.

Другие всматриваются в прошлое, которому были свидетелями, и «большое видится на расстоянии» – становится возможным осознать, что пережитые события и случайные встречи были не мелочами, а чем-то действительно «большим». Об этом тоже необходимо рассказать тем, кто захочет понять и прочувствовать.

Художественное слово также позволяет воссоздать и представить то, чего не пришлось узнать «на самом деле». Это немного грустно, но из светлой печали рождается много творческих чудес.

Смех – тоже форма вдохновения, как веселый, добрый и легкий, свойственный юмору, так и суровый, обличающий.

В то же время иногда требуется остановиться и, оставив в стороне смущающие чувства, задуматься. Неторопливо, глубоко и честно.

И если хорошенько подумать, то наш альманах все-таки окажется немного тематическим, а темой его будет сама жизнь, наши радости и печали, мысли и чувства, наша потребность найти тех, кто нас понимает, думая с нами в унисон, и кого понимаем мы.

Современная поэзия

Юрий Выборнов

Поэт, стихотворец XXI века. Его творчество – яркое явление наших дней. Член Интернационального Союза писателей, Российского союза писателей.

Имеет награды: звезда «Наследие» III степени, медаль «Владимир Маяковский 125 лет», медаль им. А. П. Чехова, медаль «Анна Ахматова 130 лет», медаль «Георгиевская лента 250 лет», медаль «Сергей Есенин 125 лет», а также благодарность ИСП за активную творческую деятельность.

20 февраля 2020 года вышла в свет книга Юрия В. Выборнова «Куда уносишь, ветер, стих...» Книга представлена на XV Санкт-Петербургском международном книжном салоне и на Московской международной книжной выставке-ярмарке – 2020.

Поэзия Юрия Выборнова выходит за рамки стереотипов и традиции классической организации стихотворного материала. В его творчество входят темы гражданской, городской, философской, любовной и пейзажной лирики, а также звучат темы патриотизма, религии, города, села, деревни и затрагиваются острые проблемы современного общества.

Поэзия автора не оставляет читателя равнодушным, его стихи талантливы, несмотря на то, что он часто и весьма успешно использует просторечные и экспрессивные выражения.

Заветны мне

Родимой русской стороны
заветны мне равнины, горы,
дубравы, реки, родники,
ее бескрайние просторы,

восходы солнца и закаты,
порывы ветра и дожди,
изысканные ароматы
и широта простой души,

культура, быт, уклад и нравы,
что справятся с лихой бедой,
а также люди без приправы,
что не проходят стороной.

Родимой русской стороны
заветны мне равнины, горы,
дубравы, реки, родники,
ее бескрайние просторы.

07 августа 2020 г.

Ах, мысли, жаль

Когда-то в облаках парили,
а ныне канули на дно,
ах, мысли, жаль, что вас сломили
печали, горести, вино...

Вы позабыли то, что знали,
любили, чтили и еще
поэту душу окрыляли
и возносили высоко...

Увы, немые, не громогласны,
пусты уже давным-давно,
а были все же так прекрасны,
когда звучали заводно...

Когда-то в облаках парили,
а ныне канули на дно,
ах, мысли, жаль, что вас сломили
печали, горести, вино...

06 августа 2020 г.

Путеводная звезда

Летят часы, бегут года
стремительно и неустанно,
но путеводная звезда
горит и светит первозданно.

При шуме суетного дня,
в ночной тиши, во тьме холодной
зовет вперед она меня
к мечте заветной, благородной.

Нет, не сбежать от чехарды,
от круговерти всей позорной,
не скрыться от уплаты мзды
и дружбы, где-то краткосрочной,

от расставаний, от беды,
предательства, утрат и горя,
от человеческой вражды,
а также прочего «декора».

Зовет, ведет меня звезда,
и знаю точно: не погаснет,
пока вольна будет душа
или в пороках не увязнет.

Летят часы, бегут года
стремительно и неустанно,
но путеводная звезда
горит и светит первозданно.

06 августа 2020 г.

Я с трепетом в углу стоял

Я с трепетом в углу стоял,
смотрел, молился на икону,
закончив, на пол ниц упал
и молвил тихо просьбу Богу:

Родных и Близких сохранить,
пока по свету я скитаюсь,
недуги все их исцелить,

о большем молвить не решаюсь.

Не смею большего просить,
не смею я Тебя тревожить,
лишь только веровать, любить
и благо в мире преумножить.

Я каюсь в смертных всех грехах,
в поступках низких, недостойных,
я пред тобой, в твоих руках
все время в мыслях беспокойных.

Я с трепетом в углу стоял,
смотрел, молился на икону,
закончив, на пол ниц упал
и молвил тихо просьбу Богу.

05 августа 2020 г.

Я давно поменял жизнь на мили

Я давно поменял жизнь на мили,
покорил не один океан,
много рек и морей, что манили
вдаль от дома, через туман.

Вдаль от дома при полном штиле,
иногда в штормовой ураган,
но я шел в благородном порыве
не в обход, а вперед, на таран.

Не в обход, а вперед, наудачу,
но, конечно же, с верой в душе,
с головой и руками в придачу
да уменьем в своем багаже,

да уменьем и знанием дела,
лень взашей выставив вон,
не щадя сил своих, как и тела,
да немного теряя фасон.

Я давно поменял жизнь на мили,
покорил не один океан,
много рек и морей, что манили
вдаль от дома, через туман.

05 августа 2020 г.

В дубравной тишине

Мне снится сон в дубравной тишине
близ родника, берущего начало
из глубины земли, что не была в огне
и Человека с плугом никогда не знала.

О, дивная, родимая дубравушка,
прошу, нежнее шелести листвою,
баюкай и шепчи, сестрица травушка,
сказания о красоте земной.

Шепчи о мире чистом и красивом,
в котором грязи не было и нет,
о дивном, ярком, радужно-счастливым,
шепчи мне о мечте из юношеских лет.

Шепчи, шепчи, шепчи неумоимо,
прошу, продли мой утопичный сон,
сердечко успокой, которое ранимо,
пускай споет еще с душою в унисон.

Мне снится сон в дубравной тишине
близ родника, берущего начало
из глубины земли, что не была в огне
и Человека с плугом никогда не знала.

02 августа 2020 г.

Наконец погасли свечи

Наконец погасли свечи,
ночь примерила фату,
стихли пламенные речи,
тишина, покой в саду.

Ослепительно сияют
в небе звезды и луна,
озаряют, окрыляют,
опьяняют без вина.

Воздух свеж, благоухает,
дарит дивный аромат,
будоражит и дурманит
тело брренное до пят.

Ветерок уносит в дали
муки дня, сомненья, смоль,
тихонько шепчет о морали,
утоляя сердца боль.

Жаль, но ночь недолговечна,
и крадется уж рассвет,
а так была ведь безупречна,
изящна – дивный силуэт.

29 июля 2020 г.

Отыскать бы мне, где...

Отыскать бы мне на Земле островок,
где люди живут без забот и хлопот,
где деньги не любят точный счет,
где нет нужды, урожай круглый год,

где терн не растет, не красит венец,
где нет в обиходе слов «подлец»,
«плут», «предатель», «прохвост» и «хитрец»,
где каждый первый всегда молодец.

Молодец – удалец, к тому же храбрец,
где девы прекрасны – царицы небес,
где любовь и гармония, веселье и смех,
где чуждо слово, такое как гнев,

где счастье жизни – это не миф,
где к благородству стремленье, порыв
навстречу мечтам в звездную высь,
не кубарем вниз в болотную слизь.

Отыскать бы мне на Земле островок,
где люди живут без забот и хлопот,
где деньги не любят точный счет,
где нет нужды, урожай круглый год.

27 июля 2020 г.

Пылит дорога и уносит

Пылит дорога и уносит
годины юные мои,
взамен же ничего не просит,
кричит лишь мне: «Не тормози!»

Не тормози на поворотах,
будь весел, смел и впереди,
забудь совсем о разворотах,
а душу шире распахни!

Да распахни навстречу миру,
навстречу людям, доброте,
гримасу покажи трактиру
и мчи вперед, к своей мечте!

Вперед, к мечте, она уж близко,
она уже не за горой,
и не пугайся, что так склизко,
коньки надень, беги трусцой!

Беги трусцой, живи с размахом
и будь всегда самим собой,
протись навек, протись со страхом,
имей характер волевой!»

Пылит дорога и уносит
годы юные мои,
взамен же ничего не просит,
кричит лишь мне: «Не тормози!»

25 июля 2020 г.

Что наша жизнь...

Что наша жизнь – мгновение одно,
которое дано нам перед Бездной,
в которую уйти всем суждено
искать покой дорогой бесконечной.

Дорогой бесконечной, но простой,
на ней лишь изредка мучает волненье,
когда вослед доносится порой:
«Не уходи, вернись хоть на мгновенье...»

Но, к сожалению, назад дороги нет,
как, впрочем, поворотов влево, вправо,
а только лишь вперед, туда, где свет,
где свет таит покой, дарует благо.

Что наша жизнь – мгновение одно,
которое дано нам перед Бездной,
в которую уйти всем суждено

искать покой дорогой бесконечной.

21 июля 2020 г.

Земной поклон

Земной поклон всем тем, кто был,
кто не сбежал, не предал,
кто хлеб и соль со мной делил,
все тяготы отведал,

кто не скулил, не ныл, не выл,
кто просто в меня верил,
кто видел дно, но все же плыл
и пыл мой не умерил;

кто не роптал и не продал,
кто жизнь мою примерил,
кто благодарности не ждал,
дружил, не лицемерил.

Земной поклон всем тем, кто был,
кто не сбежал, не предал,
кто хлеб и соль со мной делил,
все тяготы отведал.

20 июля 2020 г.

Как краток век

Как краток век, что нам отпущен
на грешной матушке-земле,
порою сер, порой распушен,
но мил и дорог он душе.

Душе он дорог, как и сердцу,
что, пламенея, бьет в груди,
таит, питает все ж надежду
почить попозже под кресты.

Почить попозже и без спешки,
дела мирские завершив,
чтоб не аукались усмешки,
а рай не стал слезоточив.

Как краток век, что нам отпущен
на грешной матушке-земле,

порою сер, порой распушен,
но мил и дорог он душе.

19 июля 2020 г.

Несколько чаще

Несколько чаще людям нужно смеяться,
но временами слезы горькие лить,
умственной пищей знатней питаться,
а душу стараться поменьше чернить.

Поменьше чернить также и тело,
все мысли порочные гнать от себя
и смело браться за любимое дело,
коли во благо да не со зла.

Несколько чаще людям нужно встречаться,
но временами в одиночестве быть,
зарядкой хотя бы чуть-чуть заниматься,
а кофе, конечно, поменьше все ж пить.

Поменьше все ж пить не только кофе,
намекну вам еще я про алкоголь,
в дозах малых, порою, приятно,
но в мир он приносит частенько лишь боль.

Несколько чаще людям нужно влюбляться,
но временами сердце закрыть,
достойно и скромно, чтоб не стесняться,
по совести, честно век свой прожить.

Век свой прожить, стать Человеком,
да Человеком с буквы большой,
другим помогать не только советом,
а делом, уменьем с открытой душой.

18 июля 2020 г.

Сегодня в моде

Сегодня в моде словоблудство
и скучный вздор на языке,
а матерщина и беспутство
шагают гордо налегке.

Шагают гордо, лезут в уши

назойливо всегда везде,
а с ними вместе море чуши
враз расплескалось по земле.

Сегодня в моде также чванство,
кичливость, спесь в большой цене,
и процветает спекулянтство,
забыв немного о труде,

забыв немного, что кичиться
порою так нехорошо,
недолго так и простудиться,
да мало ли еще там что.

Сегодня в моде, сегодня в моде
ужасного полным-полно,
на посошок вам все ж в итоге
тихонько молвлю: «Ё-мое».

Тихонько молвлю и оставлю
вас на часок, мои друзья,
немного скорбь свою разбавлю,
но лишь водой из родника.

15 июля 2020 г.

Михаил Дьячков

Псевдоним – Михаил Предзимний. Родился 21 ноября 1971 года в городе Алексине Тульской области. Там же учился, работал радиотелемехаником, получил высшее юридическое образование.

Поэт, прозаик, публицист. Один из поэтов «Русской весны», известен своими выступлениями в стихах на многочисленных митингах этого периода. Отрывки из его произведений уже сейчас можно встретить в эпитафиях, цитатах. Пишет и исполняет песни, создает клипы. Произведения автора доступны на многих онлайн-ресурсах: литературных порталах, в информационных и социальных сетях. Основатель направления жанра фотомонтажного онлайн-плаката «Окна русской весны» (в этом направлении им было создано более сотни работ). С 2015 года является модератором, редактором в самом крупном патриотическом сообществе Рунета – группе-миллионнике «Антимайдан и нас 924 000, с нами Правда и Бог!».

Имеет литературные награды: звезду «Наследие» и медаль «Георгиевская лента 250 лет». Кандидат в члены Интернационального Союза писателей.

Феникс

Я украдкой поглядывал на Макмерфи. Он сидел в своем углу – минутный отдых перед следующим раундом, а раундов еще предстояло много. То, с чем он дрался, нельзя победить раз и навсегда. Ты можешь только побеждать раз за разом, пока держат ноги, а потом твое место займет кто-то другой.

Кизи Кен «Пролетая над гнездом кукушки»

Как меня ни убивали
Люди низостью своей,
Только зубы обломали,
Только сделали сильней!

Я такой же, как и раньше:
Не прогнулся этой жизнью –
Не терплю паскудства, фальши,
Верен сердцу и отчизне!

И на крест пойду опять
(Если кто меня вдруг снимет),
И позволю оболгать,
И под нож подставлю спину:

Ведь другого пути нет,
Не было – не будет!
Только так на белый свет
Можно вытащить Иуду!

Не убить, но побеждать
Раз за разом зло возможно!
А потом другой занять
За тобою место должен.

И стоять, не отступать,
Пока ноги еще держат,
Стиснув зубы, строй держать
За полшага перед бездной.

Соль не потеряет силу,
И маячит правды свет,
Путь тернист – всегда так было,
Но другого к правде нет!

29 октября 2013 г.

Я целую свой крест

Я целую свой крест
Под издевки и смех:
Ведь на нем я воскрес,
Стал как есть – Человек!

Им того не понять
(Оттого и смешки),
Что лишь так отмывать
Подобает грешки!

Отмывают, молясь,
Да крещенской водою:
Будто тем свою грязь
С души черной отмоют!

Подстирать, где подшить,
Подбелить что рубашку,
Только этим не скрыть,
Какова замарашка!

Будто форма есть суть,
Что-де кто-то толкал,
Когда жизненный путь
Каждый да выбирал

И, пригнутый крестом,
Под плевки, ругань, смех
Не прошел за Христом –
За себя и за всех!

Почему я объективен?
Почему я объективен?
Потому что НА КРЕСТЕ!
(Мне здесь более обширен
Ракурс, чем вам на земле.)

Вот, пожалуй, и довольно.
Хотя... нет, не промолчу,
Вам еще секрет открою,
Уж не смейтесь, не шучу!

Да и разве здесь до смеха?
Кровью плачется, друзья:
Дело в том, что Человека
До сих пор не видел я.

ОН, конечно, был и будет!
И средь нас, быть может, есть.
И откроется, осудит
Всю земную низость, спесь.

Будет всеми осуждаем
(Уж такой его удел)
И повыше прибываем,
Чтобы дальше всех глядел!

22 марта 2017 г., Москва

Сергей Емельянов

Коренной москвич. По образованию – математик. Работал в области информационных технологий в сфере планирования и управления. Кандидат экономических наук, заслуженный экономист РФ. Публиковаться начал с 2010 года на сайтах Samlib.ru и Proza.ru. Основное направление работы – non-fiction. Печатные прозаические произведения: «Моя Елизаветка» (Канада, 2016), «Эпизоды» (Канада, 2018), рассказы в альманахах и сборниках Интернационального Союза писателей и Российского союза писателей (Москва, 2020). Стихи пробовал писать с детства, но публикует впервые. Участник (номинант) нескольких литературных проектов. Финалист конкурса «Георгиевская лента 2020».

Кандидат в члены Интернационального Союза писателей с мая 2020 года.

Стихи случаются

Писать стихи давно отчаялся,
Я в этом деле не мастак.
«Стихи не пишутся – случаются,
Не написал – случилось так».

Да, писать стихи, вот так сесть за стол и написать «по заказу» стихотворение – это для меня трудно. Впрочем, не только для меня. Об этом же пишет, например, и Андрей Вознесенский. Вы, конечно, сразу узнали, что в приведенном выше четверостишии две последние строки его.

И все же и у меня иногда «случается» что-то, что, надеюсь, можно назвать стихами. Случается это по самым разным причинам. Как-то за чаепитием я случайно наткнулся на такую рифму: «с Аленой – соленый». Мне нравятся такие, как я их называю, полные или глубокие рифмы, когда рифмуются не только окончания слов, а практически все слова. А здесь именно такая рифма – глубокая.

Первые две строчки сложились легко, вот и получилось (случилось!) нечто детское.

Считалка

Мы пошли гулять с Аленой,
Огурец соленый.

Солнце светит, день погожий.
Во дворе стоит прохожий.

Пригляделись: это Вовка,
Мать его – воровка!

Он – непойманный бандит,
Хоть милиция и бдит.

Вид его довольно жуток,
Нам с Аленой не до шуток.

Он уже идет навстречу,
Он кричит нам: «Покалечу!»

Мы скорей назад, в подъезд,
Ведь иначе он нас съест!

Прибежали мы домой,
Фу-ты, ну-ты, боже мой!

Тут и кончилась прогулка,
По-то-му что э-то ут-ка.

А вот другой случай. Как-то я был в гостях у знакомых, которые очень любят домашних животных. Кого только у них нет! Но есть у этой любви и обратная сторона. Какая – вы поймете из следующего стихотворения...

Сон

Как-то мне приснился сон,
Будто в дом явился слон.
С ним была еще и утка,
Привезла ее маршрутка.

Прилетел и воробей,
Прочиркал: «Не робей,
Все мы – люди, звери, птицы,
Жить порознь нам не годится.

Будем жить здесь, как в хлеву,
И во сне, и наяву».
Так глаголил воробей
От себя и за зверей.

Я подумал: «Что за бредни,
Перепил вчера я бренди».
И... проснулся. Кончен сон.
Слава богу, я спасен.

В книге воспоминаний Ирины Одоевцевой «На берегах Сены» приведено начало неопубликованного стихотворения некогда весьма популярной русской писательницы, известной под псевдонимом Тэффи. Вот оно:

Тридцать три и три кота
И четыре кошки...

Эти две строчки так привязались ко мне, что я не знал, как от них отделаться. Тогда я решил сам написать стихотворение на «кошачью» тему, и вот что у меня получилось.

Три кота

Как-то в полдень три кота,
С ними еще кошка
Собрались у пруда
Отдохнуть немножко.

Впереди большущий кот,
Эдакий котяра,
Жрет, зараза, антрекот,

На других не глядя.

Кошка смотрит ему в рот,
Хлопает глазами,
А он жрет себе и жрет,
Шевелит усами.

Сцену эту видел я,
Сидя у окошка.
Точно было три кота,
А еще и кошка.

Следующее стихотворение случилось в разгар карантина из-за COVID-19, когда казалось, что он никогда не кончится. К счастью, это оказалось не так.

Карантин

В Москве режим самоареста.
Погасли свечи, свет померк.
Не нахожу себе я места,
Окончен жизни фейерверк.

Сижу без срока, без причин
За то, что слишком долго жил,
Что так решил высокий чин,
Короче, ясно – заслужил.

Гулять, дышать без разрешенья,
Весну в Сокольниках встречать,
В церквях вымаливать прощенье
Теперь нельзя – на всем печать.

Когда ж иссякнут злоключенья,
Увижу ль снова город мой?
Туманны властные реченья,
Молчит и вирус, он немой.

Давным-давно я прочитал такие строки Велимира Хлебникова:

Мне мало надо: краюху хлеба
И каплю молока,
Да это небо,
Да эти облака.

Был я тогда молод, настроения имел максималистские и потому решил «изложить свою позицию».

Мне надо много

Мне надо много:
И вдаль дорогу,
И шторм на море,
И штат Небраска,
Хвалу и горе,
Любовь и ласку.

А в заключение вот это:

Прости

Прости мне все: и боль, и радость,
Мои свершенья и грехи,
И наших встреч с горчинкой сладость,
И эти самые стихи.

Пока это все. Если случится у меня в жизни что-то значимое, тогда, может быть, и новые стихи появятся...

Николай Ивлеев

Родился в 1937 году в семье крестьянина-кулака. В начале войны его отец был призван в армию и погиб в эшелоне, не доехав до фронта. С неграмотной матерью ему пришлось прожить трудную жизнь. Его постоянно мучил вопрос: почему Советский Союз, имевший вооружений больше, чем все остальные страны мира, в начале войны потерпел такое сокрушительное поражение?

Неудовлетворенный современным ответом на данный вопрос и, полагая, что репрессии и ложь, которым подвергся наш народ, сделали свое неблагодарное дело, превратив его в массу, неспособную реально оценивать поступки Сталина, написал свое видение начала Великой Отечественной войны.

О товарище Сталине, выигравшем войну

1

Как бесподобен Сталин был,
Как был всегда уравновешен,

Как убежденно говорил,
Как слог его был тверд и взвешен,
Как, ни на йоту не смутясь,
Он слал соратников на казнь,
Легко, как совершая чудо.
Смердящий именем своим,
Пади и смолкни перед ним,
О, ты, ничтожный червь, Иуда!

2

А полководцем был каким?
«Архистратиг», без возражений!
Победа шла вослед за ним
Без нареканий и сомнений!
Он мог без войска побеждать –
Зачем Титану мысли рать?
Так, в амплу известном самом
Он в сорок первом выступал,
Где армию Адольфу сдал
Со всем ее «военным хламом».

3

Когда союзничек шальной,
Гонимый жаждой неумной
Владеть еще одной страной,
Напал внезапно, вероломно,
Наш вождь, решительный в бою,
Геройски армию свою
Повел отважным капитаном,
Как кормщик челн через моря,
Сдав в плен к седьмому ноября,
С повышенным справляясь планом!

4

А те, кого он расстрелял,
Не вызывают сожалений:
Какой-то маршал, генерал...
Ну кто они? А он же – гений!
Будь они живы, все равно
Сегодня так же, как давно,
Их ожидала бы могила

Как забыть и вечный тлен:
Сдать армию такую в плен
У них ума бы не хватило!

5

А то б они (еще чего!)
С границы немца повернули
И по-кутузовски его
В говно бы мордой окунули,
И нам пришлось бы пожалеть,
Что не сумел он посмотреть,
Фашист – «союзник благородный», –
Какой в то время был у нас
Занятный для сторонних глаз
Наш бардачище всенародный.

6

Ильич, как пастырь, нас считал
По головам и, безусловно,
В своих записочках писал:
... «всех уничтожить поголовно».
Но мы, ничуть не осерчав,
Душевно любим Ильича;
А он, гигант военной мысли,
Был прозорливей Ильича
И как стратег, не сгоряча
Нас мудро винтиками числил.

7

Как Церетели угадал
Надежды наши, если б рядом
С кремлевской башней изваял
Отца народов с голым задом.
На дифирамбы не скупа,
Тогда б фанатиков толпа
На Красной площади галдела,
Свое здоровье не щадя,
И вечно задница вождя,
Вся зацелована, блестела.

В начале 1919 года из ленинского ЦК вышло постановление, в котором было записано:
«Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно».

«Мы любим Сталина не просто так...»

Мы любим Сталина не просто так,
И я твердить об этом не устану,
Мы любим Сталина за то, что нас по плану
Уничтожал как бешеных собак.

Михаэль Казакевич

Родился и вырос в городе Вильнюсе. В 1990 году репатриировался в Израиль. Стихи начал писать несколько лет назад. Публиковался в сборниках «Лирика и Дебют» 2017 года, номинант премии «Наследие-2017». Член Интернационального Союза писателей.

Лауреат медали имени Антуана де Сент-Экзюпери «За вклад в развитие русской поэзии» (2018).

Паук, приносящий счастье

Суровые мужчины читают эти строки
И сотни неизвестных, чьи мерки очень строги.
Здесь женщины прекрасны да с добрыми глазами
За толстыми очками, текущими слезами.

А между мной и ими – натянутые нити
Тех образов и жизней, тех строчек и событий.
Сижу – паук мохнатый с седою бородою –

И строчки украшаю своею я судьбою.

Я беды объясняю и бури укрощаю,
По морю проплываю, и нет у моря края.
Но люди у штурвала, меня не замечая,
Ведут корабль к цели, которой я не знаю.

Ведут корабль ныне, ведут корабль присно
Сквозь волны и сквозь мысли, видна им уже пристань.
Суровые мужчины, вы, женщины, прекрасны,
Я ж лишь паук мохнатый, не выброшен на счастье,

Не пойманный случайно матросом корабельным,
Кто в жизни не читает совсем стихотворений.
Прошу, за эти нити не дергайте сурово.
Я, как и вы, здесь зритель. Сначала было слово.

Руки матери

Никому ведь не нужны – мамам, да и только.
Столько верности у них, чувств забытых столько!
Все им кажется, что вот нас они рожают,
И за это любят их папы, обожают.

Мы до самого конца будем им «ребята»,
Этим жизнь и хороша, этим жизнь богата.
Подарите им цветы, весточки и внуков,
В бескорыстности любви море добрых звуков.

Рідна мати моя, ти ночей не доспала...
Для меня всем была – как теперь тебя мало.
Эта память любви до последнего слова,
До последнего вздоха и снова, и снова.

Мне от самого дна и до самого верха,
От глотка молока до дрожащего нерва,
На котором висит все, что прожито в жизни,
Не сказать тебе, мать, как был рад, что ты дышишь.

Никому мы не нужны, мамам своим только.
Я учился долго жить. Горя видел столько.
И когда сидел в тени на руинах дома,
Вспомнил руки я твої, добрі і знайомі.

Так кто же? Я...

Так кто же? Я иль вдруг не я пишу вам эти строки?
И до каких, позвольте, пор свободен я в своих:
Своих мечтах, своих делах, в словах и голос плоти,
Что укротил рукой души, и боль руки, и стих?

И все, что делает со мной мое на свете тело,
И то, что делаю в ночи я, управляя им,
И все, что думаю о вас, когда лежу без дела,
Могу ли ненависть назвать, любовь свою своим?

А рядом мать детей моих – твердит она, что любит,
И дети, и друзья, и все, чем в жизни дорожу.
Что станет с ними без меня, когда меня не будет?
Не стоит, право, о плохом... О жизни я сужу.

Так кто же? Я иль вдруг не я строчу вам эти строки?
А вам-то что? Читайте их, пока дают – пишу.
А будет чудо или бред – узнаете в итоге,
Где я, конечно, вас о всем подробно расспрошу.

Поиск веры

Доверие, уверенность и верность
Струятся из старинного кальяна,
И высится альпийская надменность
Вершиной непокорного Монблана.

И надо изловчиться эти нити
Связать, и протянулась вверх дорога.
Ну, с богом, люди, пробуйте, идите,
Берите все, молитесь с верой в Бога.

Искал его в Калькутте и Рабате,
В старинных лавках, на Советах Братства,
Среди добычи каперов корсаров,
Калифов Африканского пиратства.

Но встретил только подлость и покорность,
Но видел только алчность и упрямство,
И праздность, как жевание попкорна,
Продажность голливудского пространства.

И в никуда не тянется дорога.

Да что дорога, даже не тропа ведь.
И нет на свете веры чистой в Бога.
Монблан, он что – лежащий серый камень.

Когда надежда, уходя...

Когда надежда, уходя,
Утонет прямо в волнах моря,
Мы поднимаем якоря,
О смысле жизни с жизнью споря.
И скрип заржавленных цепей
Из тел выносит страх и хмель.

Когда надежда, уходя,
А с верою осечка вышла,
Я дерзко жертвую ферзя,
Поставив на крупицу смысла.
Жизнь предлагает взять назад,
Мол, ты идешь не в адекват.

А кто-то верит и поет,
Когда надежда в море тонет.
И цепь скрипит, как скрипка, стонет,
А жизнь в ответ все не идет.
Тогда сквозь тонны черных туч
Прорвется вдруг не солнца луч.

Не в смысле жизни цель, поверьте,
А в том, чтоб спорить с ней до смерти.

Плохой солдат

Я вот уже который год тебя не обману,
Люблю уже который год я женщину одну.
И не который этот год, но третий год подряд,
А за спиною говорят, что он плохой солдат.

И я не лезу на рожон и жен не завожу.
Хоть и живу совсем без жен и очень я тужу.
Я каждый день раз шесть подряд звоню одной домой.
«Вот видишь? – люди говорят. – Пошел он головой».

А я ногами бы пошел, но только чтоб к тебе.
Но столько странных стран в пути, и труден путь в судьбе.
И не цыганка мне, а Бог провел великий путь.

Мне б отказаться, да не смог, ведь с Богом спорить – жуть.

Но я, тебе благодаря, ни утро ни заря
Глаза открою и пою, чтоб день прошел не зря.
И я, тебе благодаря, с Всевышним третий год...
А люди в спину говорят: «Подвинься, пусть пройдет».

И там, где люди на восток, молюсь я на восход,
Где ты взошла моей звездой на бледный небосвод.
«Ты как?» – воскликнули друзья. Ответил им: «Я так!»
Все отвернулись от меня, а я сказал: «Пустяк!»

А я стихи тебе пишу – ты знаешь толк в стихах.
Но на расправу скор, на суд народ: «Иди в кабак!»
К чему в кабак спешить, идти, ведь он давно внутри?
А ты свети мне и свети, гори во мне, гори!

Есть много стран

Есть много стран прекраснейших вдали,
К ним по морям проходят корабли,
По синим океанам и морям.
Сегодня будут здесь, а завтра там.

Идет в горах торговый караван.
Богатства дальних стран везет он вам
По пыльным перевалам среди скал,
Где даже кот, конечно, каракал.

Среди пустынных караванных троп
Их ждет бандит – задумчив он и строг.
И бригом управляет капитан
У берегов пиратских дальних стран.

Но продают торговцы свой товар,
В живых оставшись, выйдя на базар.
И с новым вдаль уходят на восток
Вдоль волн, где капитан пиратов строг.

Поэт напишет про любовь стихи,
Но не продаст ни слова из строки.
По тропам, по морям до дальних стран
Любовь тех слов уносит караван.

Меняется Земля за годом год,
А на Земле течет круговорот
Все тех же душ в телах людей всех стран.

Поэт творит, уходит караван.

Чужая звезда

Ты устань говорить – слушай.
Превратись во всю прыть в уши.
Виноватых здесь нет, правых.
Только прячется свет в травах,

И гуляет в степи ветер.
Я чужую звезду встретил.
Как она на меня глянет,
Прямо в сердце тоской ранит.

А когда из воды смотрит,
То не вижу беды – вот ведь...
Как хватило звезде силы
Прокричать мне: «Ты что, милый!»

А была бы моя воля,
Я б за нею нырнул в море,
Я б за ней по горам трудным,
Там, где солнце встает утром.

Я бы пел ей одной песни,
Чтоб наш мир на куски треснул,
Чтоб она только мне в руки
Посылала любви звуки.

Я однажды один ночью,
А она: «Что, скажи, хочешь?»
Говорю: прогони тучи,
Потерять я боюсь лучик.

А звезда: «Стань моим ветром,
И когда нисхожу светом,
Ты встречай, направляй людям,
Чтобы знали: любовь будет».

С этих пор дом мне стал небом.
Я лечу за звездой следом.
А она мне родной стала.
Светит всем, только мне мало.

Маленький ослик

Маленький ослик с зашитым бочком
(Осликом быть так не просто)
Тянет и тянет свой крошечный дом
Выше ослиного роста.

Длится всю жизнь его долгий маршрут.
Ослик часов не считает.
Даже когда в доме спать все идут,
Встанет и сказки читает.

Кормится светом ушедшего дня,
Жалобно смотрит на звезды,
Хочет осел превратиться в коня,
Страстно желает, серьезно.

Маленький, серый, к чему тебе страсть?
Старость тихонько подкралась.
Глянь ты под ноги – в пути не упасть.
Брось, не в коне твоя радость!

Там на конях люди мчатся в боях,
Песни поют и гарцуют.
Жизнь все равно обратит танец в прах,
И не попасть нам в другую.

И не пролезть с твоим рваным бочком
В новую жизнь без обмана...
Только мечтает мой ослик тайком
Страстно и грустно, и странно.

Мираж пустыни

Старик, я знаю, голос твой от многих бед спасет.
Меня так сильно любит Он и так же сильно бьет.
Не делай мне, старик, чудес – могу их сделать сам.
Дай руку только, чтоб воскрес во славу Небесам.

Я, проигравший сто боев, к своим спешу врагам,
Им доказать, что я войну так запросто не сдам.
Не даст врагу дворцов ключи идущий напролом.
Благослови, ты не молчи, мой меч, старик, и дом.

Старик, я знаю, голос твой – он многих спас от бед.

Вот я оставил пред тобой своих ботинок след.
Прошу, возьми, рукой коснись уставшего плеча.
Верни меня обратно в жизнь, что прожил сгоряча.

Молчит и смотрит вдаль старик, в глазах его тоска.
Молчит и путник, что возник пред ним из-под песка.
И молча встал он и прошел сквозь путника вперед.
И возвратился царь в песок – он праведников ждет.

Восстание Кораха

Куда спешат взволнованны полки?
У нас война? С врагом коварным биться?
Собрались люди, чтобы помолиться?
Вдаль Моисей глядит из-под руки.

– Мы все стояли вместе у Горы,
И души, вылетая, трепетали.
Мы видели слова, речам внимали.
Все как один достойны править мы.

Достаточно ты с Богом говорил.
Мир требует ротации, я – власти.
Вот урны, бюллетени. Если счастье
Народ вручит мне, буду всем я мил.

– За службу я не взял с вас ничего.
Шел к фараону, вывел из Египта.
Пусть не народ решит, чья карта бита,
И завтра утром будет суд Его.

Назавтра все зажгли огонь души
И бросили на пламя благовонья.
Смущенный либеральным пустозвоньем,
Народ увидеть чудо поспешил.

И чудо не заставило их ждать.
Земля разверзлась, сотни погребая.
Так демократия исчезла молодая.
Бог выбрал. Голоса им не считать.

Не нам решать, что правда и где ложь.
Не сразу ясен слов и дел нам смысл.
Как часто слово прячет нашу мысль.
Бог, став врачом, взял в руки острый нож.

Династии ушли, прошли века,

Правители, как куклы, ложью травят.
Как часто мы не знаем, кто здесь правит.
Земля не разверзается пока.

Ну и пока не ясен всем итог.
Правители народы презирают,
Слезами, кровью, гордые, играют.
На месте Бога – денежный мешок.

Куда спешат взволнованны полки?
У нас война? С врагом коварным биться?
Собрались люди, чтобы помолиться.
И кто-то вверх глядит из-под руки.

Одинаковые корни

Я вас в щеку поцелую,
Подставляйте быстро щеки.
На иврите поцелуй – он
«Нешика», здесь смысл глубокий.

Путник едет, избу ищет
Вдоль дороги незнакомой.
Где же здесь «Еш байт» поближе?
Дом – он «байт», изба – «есть дом», а!

Вот цветочек я дарю вам
Весь из точек разноцветных.
На иврите слово «цева» –
Это краска, краска это.

Враг нас в жизни убивает,
«Леарог», мне слышно страшно.
«Дат» – мы мудрость получаем,
Нам дают подарком важным.

Получили люди Тору,
В путь ушли тропею торной
В соответствии с законом.
Там историй было столько.

«Керен» в следующем мире –
Наших добрых дел награда,
В этом корень мы полили,
Чтоб пророс под тенью сада.

Одинаковые корни

Одинаковых понятий.
Спотыкаюсь я, покорный.
Все, кто хочет, – добавляйте!

Вечный счет

Раньше считал весны, было считать просто.
Дальше пошли лета – глянь, ведь конца нет там.
Осней счет труден – больно считать людям.
А под конец веще и не нужны вещи.

Откровение

Того, чье сердце из камня, – заройте его вы в камни.
А тот, кто играет сталью, – ему не накрой столов.
Чья радость – друзей печали, пусть станет их путь отчаян.
Кто сделал Меня из золота – тому не сносить голов.

Тот Мир, что религий полон, не станет пусть вашим домом.
Но рядом с Моим вы домом разбейте свои шатры.
Там вам подарю Я свиток – смотрите в него, как в омут.
Я щедрым стану с тобою – кто ищет мои дары.

А кто ничего не ищет – за это с них Небо взыщет.
Кто только идет ногами – не сможет пойти на взлет.
И тот, кто сорит деньгами, пусть станет последним нищим.
Кто был здесь последним нищим, пусть первым ко Мне придет.

А Мир – он большая сцена, где каждый над жизнью властен.
А жизнь – то кусочек света, зажатый в твоих руках.
Тут каждый так хочет сласти, не зная, что в жизни счастье,
Лишь вечность тысячеглаза сдувает со сцены прах.

Учи откровенье это, и жизнь тогда станет светом,
А кровь, что в тебе струится, разносит по телу страсть.
Еще не родилась радость огромным цветов букетом,
Которым одарит вечность игравших на сцене вас.

Петренко! Слушаюсь!

– Петренко!
– Слушаюсь!
– Такая, братцы, штука.

Мы проиграли, как продали связку лука.
Да, мы Россию комиссарам проиграли,
Но не предали душ своих, не запятнали.

В нас замирает дух проигранной России.
Петренко, мать твою! Все, что там есть, неси нам.
– Там нет закуски, только водка.
– Грусть на плечи!
Так мы закусим водкой водку. Водка лечит.

– Поручик, помните прогулки вдоль лимана?
– Забыл друзья, но помню дуло я нагана.
Мне повезло, не пулю – дал наган осечку.
Мне бы не греть теперь спины у нашей печки.

– Так выпьем, братцы, за поручикину спину.
– Молчите, сударь! Попрошу на середину.
– Вас мало били? Не хватает вам дуэли?
Да это ж водка, господа. Ну, в самом деле...

– Петренко!
– Слушаюсь!
– Неси быстрее газеты!
Что там? Читал? Про экипажи и кареты?
– Ваше Благородие, не грамотен нисколько.
Картинки разве что смотрел, картинки только.

– Как жизнь, товарищ мой Петренко?
– Да не скука...
Мы проиграли, как продали связку лука.
Да, мы Союз американцам проиграли,
Но не предали душ своих, не запятнали.

И новый дух летит, витает над Россией,
Плюет он в нас, а мы его и не просили.
– Здесь столько водки, обойдемся без закуски.
Так мы закусим водкой водку. Пусть по-русски.

И чтобы в спины нам отечества осечки,
И чтобы греть свои мечты у доброй печки,
Не умирать, а жить за общую идею,
Где ни поручик, ни Петренко не злодеи.

Ты моя вселенная

Ты моя вселенная и мое снотворное,
Необыкновенная, светом вся наполнена.

Ты моя и Англия, и моя Япония.
Я тебя открыл давно. Ты моя симфония.

Материк и острова, части ты и целое.
Ты зеленая трава, небо сине-белое.
Голосок волной журчит, успокоит, катится.
Ты надеждою бежишь, пропадаешь, прячешься.

Я ишу тебя давно меж камнями берега.
Я открыл в любовь окно, как открыл Америку.
От окна бегу к дверям – чудится звоночек.
Не забуду ничего, что ты, радость, хочешь.

На душе моей сквозняк от окна открытого,
И по небу вдаль летят мысли позабытые.
Их немного, и они пролетают стаями.
Ты послушай, обними крыльями усталыми.

Ты звезда ночей моих и строка летящая,
Слово мое острое, верное, кричащее.
Ты глоток воды в горах ледника, что тает.
Ты свобода, я же раб. Снова не хватает.

Ты моя прекрасная и моя покорная,
Море с белой пеною бурное, но вольное.
Я стою на палубе, вглядываясь в даль.
Радость, вечно малая, грусть моя, печаль.

Меж огнем и водой

Вой, огонь! Он стремится вверх и взлетает,
И взорвет, и разделит, коснувшись при встрече.
А вода, отпуская, касаясь, все лечит,
От нее лед растает. В огне тоже тает.

Из голов опускается с мыслями в тело
И дождями из глаз океаны наполнит.
А огонь из сердец возникает – запомни.
И гудит им зажженное тело умело.

Воплощает стремление женщины к мужу,
А вода – то любовь без границы сыновья.
А пожары сердец – вы разноситесь кровью
И боитесь лишь слез, разрушая и муча.

И огонь вырастает в нехватку и жажду,
А вода успокоит святою молитвой.

Где она освятит, воскрешая убитых,
Там меняет цвета он, восходит, отважен.

О огонь, разрушитель и вечный анализ.
О вода, примирительный синтез и время.
И, друг друга сменяя, идут поколения
Меж огнем и водой, и недолго осталось.

Я дарю тебе Землю

Я дарю тебе Землю – внимли,
Я дарю тебе душу – слушай,
Нарезая на страны Землю,
На слова разрывая душу.

Со слезами бросаю рано,
А ты скажешь: «Роса на травах»,
А слова прорастают странно,
Вас деля на иных и правых.

Косари поутру проснутся
И пройдут по полям, по росам,
А лучи к тем словам пробьются,
Из-за тучек лучи от солнца.

Разбегаются люди в страны
И слагают слова те в песни.
Их поют над Землею рьяно.
Из-за них мир такой чудесный.

Все, вобравшие силу солнца,
Все, сплетенные в строки, выются,
Под их музыку пляшут звезды,
По ночам звезды так смеются!

А потом подарю я музу,
Чтоб не спал ты ни днем, ни ночью
И слова чтоб бросал ты в души.
Ты ведь тоже быть Богом хочешь...

Ода поэзии

Вам, людям, любящим стихи.
А кто не любит – разве люди?
А что еще любить мы будем

Среди безжизненной тоски?

Вам, людям, ищущим строки
В безумстве ямбов и хореев.
Слов безоружные полки
Спешат по жизни акварелям.

Вам, обладающим душой
Неравнодушной и кричащей.
А мир, суровый и большой,
Лишь огоньков мерцанья в чашах.

Вот бы собрать те огоньки
В костер большой и стать всем рядом,
И в жар бросать ему листки,
И пить любви стаканы с ядом

До дна, а есть ли в жизни дно?
А там, на дне, желанья гуще?
А счастье, что на всех одно?
Так будем проще, станем лучше.

Над молчаньем веков

Соответствуя выбору,
В темной башне ползет он вверх
По ступеням, что выбил их,
Кто однажды ушел на смерть.

Берег полон камней и скал,
Ни домов, ни людей.
Но маяк над протокой стар.
Кладбище кораблей.

Над ступенью разрушенной
Зависает нога,
В руке факел потушенный,
И крута, и долга

Исчезает дорога вверх:
Поворот, поворот.
А внизу притаилась смерть
И хозяйшкой ждет.

На свободу он выбрался,
Нет пути дальше вверх.
Но нет глаза у маяка –

Много бурь прошло, лет.

И стоит там теперь, где глаз,
Зажав факел в своей руке,
Непогибший в бою спецназ,
Безоружный и налегке.

Где на мачтах в ночи огни,
Там эскадра близка.
Счет идет на часы, не дни,
И не факел – горит рука.

Вверх салют тем, кто встретил их
У подножия маяков.
Обгоревшего сердца миг
Над молчаньем веков.

Через море

Когда поешь не потому, а вопреки,
Когда живешь, а жизни цель теряешь снова...
Я не прошу твоей, я требую руки,
Ты ищешь ключ, но дверь откроет только слово.

Когда нам вместе суждено, а места нет,
И двух сердец разбитых бьются половинки.
А вместо счастья – эта тяжесть долгих лет,
И по щекам скользят и падают слезинки.

Когда не знаю, почему тебя люблю.
Когда с закрытыми глазами молишь Бога.
И я на лжи себя который раз ловлю,
А ложь во благо – это долгая дорога.

И каждый новый год не отнимает лет,
Но прибавляет понимания и боли.
А ты идешь и потерять боишься след
Надежд на счастье по раскрытому дну моря.

Слушая «Лунную сонату»

Я вас прощаю, боже правый.
К чему искать, кто был неправ, и
Благодарю я память тоже,
Что огрубела, словно кожа.

И только слово пальцы помнят,
Ныряя в писем прошлых омут.
И пальцы строчки глядят писем,
Там были чувства, были мысли.

И пусть они давно сгорели,
От них остались акварели,
Как остается послевкусье
И после мыслей послегрустье.

Кусочек сердца отрезаю,
Как из-под кожи вылезаю,
А звук печали нескончаем,
Сочатся чувства, истончали.

Простит всех нас однажды Боже,
Все наши мысли, чувства тоже.
Он знает все, что с нами станет,
Над нами плакать не устанет.

Любовь на бис

Для вас спою еще на бис!
Не песнь свою – любовь свою.
Нельзя вернуть любовь и жизнь,
Я боль верну и повторю.

Пока дышу – еще люблю,
Еще пишу – пока живу,
Еще я парус подниму –
На суше мелко кораблю.

Еще услышу я прибой
И голос чаек над водой,
Пускай не стану молодой,
Ведь каждый шторм – последний бой.

Все эти чувства без причин
Прибиты болью навсегда,
А волны счет ведут годам –
От них лицо в следах морщин.

Еще послушен я рулю
И не спешу нырнуть ко дну.
Я ведь люблю только одну,
Но так пронзительно люблю.

Огромных волн взревет отбой,
Как крик отчаянья мужчин.
Рванутся волны в глубь причин,
Оставив берег нам с тобой.

Поэты короля

Поэты – мушкетеры короля.
Гвардейцы кардинала не поэты.
Их прозой о погоде говорят,
Нам паруса наполнят рифмы-ветры.

Констанция – любовь и жизнь моя.
Редакции корректором – миледи.
Но мы – один за всех, ведь мы друзья,
И все за одного. По коням. Едем!

Постойте, так у нас не говорят.
Пардон, акцент не местный ваш, гасконский.
И оголил батистовый наряд
Клеймо филфака знак нижегородский.

Как много теоретиков вокруг.
Стихи еретиков – у кардинала.
В бою так нужен настоящий друг,
Размеры, рифмы, ритм и интервалы.

Стихи вас не накормят, господа,
Без корочек проклятого филфака.
Констанция, без корочек – беда.
Портос не бакалавр, но лезет в драку.

Поэты – мушкетеры короля,
Филологи на службе кардинала.
Стихами люди с Богом говорят,
А прозой только пачкают кинжалы.

Между Небом и Землею

Все ближе к Небу, правда, Неба недостойн.
Не за себя молюсь, за всех, что много стоит.
Срываюсь вниз и зависаю на канате.
«Слезай! – кричат мне. – Не рискуй. Ты, парень, спятил!»

А сверху, с Неба, говорят: «Давай, попробуй!»
И намекают: «Ты не бойся, парень, гроба.
Раз ты в пути, ты ничего уже не бойся,
В глаза смотри, вперед иди, не беспокойся».

И я в глаза Его смотрю, и мне не страшно
Над снегом бед, над синью вод, над чернью пашен.
И я читаю Его мысли в грозном взгляде,
А подо мною волны, бури, камнепады.

Одной рукою обнимаюсь я с тобою,
Ногой одною упираюсь в жизни боли,
Зато вторая над Землею, на канате.
Я просто вверх от вас уйду. Простите, братья.

Простите мне, что рядом жил под синим небом.
Простите, что от вас ушел, как будто не был.
Что осторожно продвигался по канату
Между землёй и небом, повинуюсь взгляду.

Вкус мятного чая

Убираю мышей из мышинной возни.
Как пусты без тебя мои теплые дни!
Так без солнца картина заката,
И тоскою разлита прохлада.

Я рисую картину заката тоской,
Что несет меня в жизнь безграничной рекой.
Вспоминаю, что были когда-то
Наших встреч вдоль реки этой даты.

И была там река с островами мелка,
А от счастья ключи на кусочке брелка,
На полях островов запах мяты.
В чай срывали ее до заката.

Говор моря разносят ветра над рекой,
Где тоска обретает вселенский покой,
Растворяясь в волнах его синих,
Седогривых, сердитых, красивых.

Мне по памяти здесь предстоит отвечать,
Потому что забыл среди мяты тетрадь,
Но запомнил вкус мятного чая.
Я прощаю вас, волны, прощаю.

Голос мой

Я дирижирую оркестром
Из чувств и слов своих стихов
И вдруг, выигрывая честно
Любовь и жизнь, теряю кров.

А кровь течет, а годы – мимо
Моей натруженной руки.
Для смерти я недостижимый
И недоступен для тоски.

И мне – не струганные доски,
Но только саван и покой.
А голос мой – он отголоски
Ушедших в бой, предсмертный вой.

Минута памяти

Простите нас, доживших. Пусть не внемлю,
Я не штаны – свой флаг спускаю в землю
И замираю. Вслушаться. В ответ
Щебечут птицы, голоса мне нет.

Молчание времен – оно не бред.
Под солнцем облаков растает след.
Несет их ветер вдаль из-за границы.
Как громко вдруг кричат над нами птицы!

Как хочется сомкнуть тех глаз ресницы!
Простите нас, доживших. Наши лица
Похожи так на ваши... Рев все длится.
Встаем в атаку. Боже, ведь не снится!

Мой спущен флаг. А время? Ведь не длится.
Ну вот еще один в траву ложится.
У ног моих застыл. Я автомат
Горячий взял из рук ладоней. Брат.

Пошел вперед, в атаку. Пули мимо.
Я раньше думал, что непроходимо
Уходит время вдаль за годом год,
А вот стоит оно – солдат идет.

И с каждым шагом голос боя громче.

Вдруг вспомнил все, а ноги поле топчут.
Все ближе пуль убийственный полет.
Раскрылся времени беззубый рот.

Лишь я иду вперед, во тьму, сквозь губы.
Сомкнулись. Слышу голос хриплый, грубый.
И длинный мат. Я понял: «Недолет!»
Шум боя нарастает, все поет.

«Ложись!» Меня в окоп волной бросает.
Какой-то парень телом накрывает.
И тишина, которая плывет.
Ушел вперед в атаку целый взвод.

Так вот же, нет, не целый – это тело...
Прикрыл меня от смерти он умело.
Осталось мне сомкнуть ресницы глаз...
Смыкаю, словно выполнив приказ.

Очнулся. Рев сирены замолкает.
Меж облаками солнца луч мелькает.
Привычно время медленно течет.
Стою. Молчу. Даю за все отчет.

Татьяна Калашникова

Живет в Москве.

Поэт, экономист, номинант международных и национальных литературных конкурсов. Автор книг «Тьма, свет и равновесие жизни», «Большое сердце маленького мотылька» и «История маленького мышонка».

Член Интернационального Союза писателей.

Активно публикуется в журналах и альманахах. Тематика произведений Т. Калашниковой многообразна: о любви, войне, человеке. Также пишет детские и философские произведения. Подтверждением тому являются произведения, представленные в альманахе «Российский колокол».

«Я отпущу на запад вдохновение...»

Я отпущу на запад вдохновение,
И полетит через моря
Мое лихое вожделение,
Моя забвенная заря.

Свободным вздохом над обрывом
Невольно грифом покружит,
И в возгласе ее крикливом
Себя найдет другой пиит.

Распустятся стихи цветами,
Рождая маленький сонет.
Ведь для обмена меж певцами
Границы в этом мире нет.

Ночь перерождения. Венок сонетов

Сонет первый

В зеркальном блике отражения
Полночных мимолетных лет,
Когда прошел парад планет
И прошлое нам веет дуновением,
Мне вспомнились его глаза,
В них ярко звезды отражались,
Пылал огонь, горела младость
И нежность моря – бирюза.
Но только не был взгляд тот добрым,
В них скрылась потайная злоба,
И демон прятался от бед.
Но звонко пробил час расплаты,
И мотыльки под гром распяты,
Когда пленит манящий свет.

Сонет второй

Когда пленит манящий свет,
Сон в руки больше не дается,
И ничего не остается,
Как дать луне святой обет.
Как трудно после следовать обетам,

Когда приходит очередь для дня,
И он, своею суетой маня,
Уже не создает из человечества аскета,
А позволяет вольности душе.
И снова чувства в неглиже,
Желания дают совет,
Потребности на волю рвутся,
Гордыня, алчность, голод – все смеются,
И слышится шальной сонет.

Сонет третий

И слышится шальной сонет.
Среди ветров и сквозь метели,
Под скрип летящей карусели
Певцом выводится куплет.
В углу забыто плачет скрипка,
Гитара подбивает ритм,
Уносит танец визави
К манящим и любовным пыткам.
Открыты широко врата,
Всего два слова на устах –
Души святое возрождение.
И только черт один сидит,
О чем-то о своем бубнит
Среди забытого презрения.

Сонет четвертый

Среди забытого презрения
Не подмечала я обид,
А взгляд все звал и все пленил,
И медленно стекало время
Слезами пота на висках.
И лебедь не один кружился,
Но взор от солнца мой слезился.
И на высоких виражах
Не сразу получилось рассмотреть,
С кем же лебедке суждено лететь
Сквозь жаркий занавес светил.
И оказалось, что с лебедкой
Парил степной орел безмолвно
В разлитом молоке пути.

Сонет пятый

В разлитом молоке пути
Среди туманов и созвездий,
Среди планет и спутников небесных
Брел одинокий волк вдали.
Он много видел, много знает,
Но стар он стал, и раны на боках
Остались шрамами в годах,
И молодость уже не манит.
Он медленно бредет своей дорогой,
Один закон он помнит, но жестокий,
Его познал он в час беды:
Любовь – проклятие луны.
И он завыл, а в волнах тишины
Видны еще его следы.

Сонет шестой

Видны еще его следы
Среди тропинок на бульваре,
Где с ним гуляли вечерами,
Рисую будущее на страницах у весны.
И ночь белила нам объятия,
Но глубоко ее мы не могли вдохнуть,
Ведь так боялись отпугнуть
Те длинные минуты счастья,
Которые казались сном.
А заморозки притаились под окном.
Те льдинки приняла за капельки воды,
Разбавив ими сладкий вкус вина,
И, выпив яд, испила я до дна
Душевных мук моих плоды.

Сонет седьмой

Душевных мук моих плоды –
Закаты алые над морем,
Россыпь бриллиантов над прибором,
В аллеях красные цветы.
А ветер будто утешает
И грусть мою уносит прочь –
Так хочет, видно, мне помочь, –
В своих ладонях согревает.

И вот уже дышать легко,
Я крылья расправляю глубоко.
Ты, прошлое, меня прости.
Я от земли свободно отрываюсь.
В одном вопросе лишь теряюсь:
Как бремя легкое нести?

Сонет восьмой

– Как бремя легкое нести? –
Колибри у луны спросила.
Но та ответить ей не в силах,
Луне ведь только в небе суждено цвести.
Спросил и феникс у огня:
– Как бремя легкое нести?
Но пламя тайны свои чтит,
Лишь возрождает нам из пепла соловья.
Хоть задан был вопрос прямой,
Ответить на него не смог никто –
Он кажется всем сумасбродным.
Но лунный лик сокрылся где-то в облаках,
Я засыпаю на ночных руках
Под россыпь мыслей благородных.

Сонет девятый

Под россыпь мыслей благородных,
Под лиры грешных муз моих
Зовет меня сонетовский мотив
На обузданье мук бездомных.
И белоснежен белый лист,
И слезы он в себя питает,
И чувства снова принимает,
Сменяя бурю на спокойный бриз.
И лунная встает дорожка,
И где-то в небе возлегает кошка
На коврике из тканей небосводных.
Мне величаво и легонько подмигнет,
Как будто ласково зовет
Внимать законам чужеродным.

Сонет десятый

Внимать законам чужеродным

Подвластно только королям.
Но, исполняя песню по ролям,
Шагать одной дорогой с модой
И справедливо критике внимать
Не каждый трон себе позволить может,
При этом бело-бархатное ложе
От цвета революций охранять.
Законы эти правила всегда,
Но каждый за свои их выдавал,
Себя не жертвуя на откуп правоты.
А что любовь? Она вне всяческих канонов
Дающая надежду миллионам –
Безгрешным путникам мечты.

Сонет одиннадцатый

Безгрешным путникам мечты
Поклон свой посылаю до земли
И эти милые стихи,
Написанные средь природной немоты.
Когда-то я мечтать, как вы, умела,
Желания в шкатулки пряча ото всех,
И подняла бы вас на смех.
Но как-то быстро повзрослела.
Теперь хранилище мое – душа.
И, прошлое немного вороша,
Слежу я за полетом чайки.
Вновь вспоминаю те глаза,
Портрет рисуя подлеца
И забывая без утайки.

Сонет двенадцатый

И, забывая без утайки,
Я отпускаю сны в полет.
Ночной цветок застыл, он ждет
Балета мотыльковой стайки.
Исписан белый лист едва ли,
И близится сонет к концу.
Его представлю я на суд творцу
И искушенному бродяге.
Свободно стало на душе,
И по-другому чувства в неглиже,
Я снова начинаю верить в сказки.
И мы с цветком опять не спим,
Вкушаем вместо песен нимф

Рассветов незатейливые байки.

Сонет тринадцатый

Рассветов незатейливые байки
Встречаю с розовой зарей.
Так нужно каждому порой
Переродиться после пайки
И по-другому посмотреть на мир.
Ключом забьет тогда, волнуясь, вдохновение,
И ниспошлют с небес тогда знамение,
Что можно снова жить в любви,
Мечтать о будущем своем
И цели ставить с каждым днем,
К ним смело устремиться с высоты.
Но жить при этом настоящим
И быть при этом путником творящим,
По новой возводить мосты.

Сонет четырнадцатый

По новой возводить мосты
Сегодня, завтра, послезавтра,
Играть не по законам театра
И больше не стоять у арки пустоты –
Себе сегодня цели ставлю
И новое встречаю утро.
Теперь я больше мыслю мудро,
И ночь перерождения я славлю.
Волнуется мой карандаш в руках –
Я исповедь оставлю на словах
И моего читателя терпении...
Нас новый ждет парад планет
Полночных мимолетных лет
В зеркальном блике отражения.

Магистраль

В зеркальном блике отражения,
Когда пленит манящий свет
И слышится шальной сонет,
Среди забытого презрения,
В разлитом молоке пути
Видны еще его следы –

Душевных мук моих плоды.
Как бремя легкое нести? –
Под россыпь мыслей благородных
Внимать законам чужеродным –
Безгрешным путникам мечты –
И, забывая без утайки
Рассветов незатейливые байки,
По новой возводить мосты.

«Многоэтажки тонут в золоте вечернем...»

Многоэтажки тонут в золоте вечернем,
В прозрачной синеве купается листва,
А время с поведением манерным
Свои минуты оплетает в кружева.

Уже бессонница томится у порога,
Усталая душа готовит крепкий чай.
Всплакнет в углу забытая тревога,
Уснет на кресле, как бы невзначай.

А мне бокал любви бы выпить залпом
Да откусить немного страсти роковой.
Но вдохновение неслышно показало
Молочный путь над розоватой мглой.

Судьба вертлявая – опасность перекрестков,
Забытые аккорды бесконечной лжи.
Но как бы ни было бы хлестко,
Не тают под луною миражи.

Руками трону звездные бриллианты,
Что россыпью звенят в закатный час.
Сонетов неоконченные мантры
Блаженным ритмом наполняют нас.

«Этот мир, покрытый пеплом перламутра и печали...»

Этот мир, покрытый пеплом перламутра и печали,
Расцветает над обрывом, где мечты не одичали,
Где поется песня жизни в унисон шальному ветру
И где каждый шаг приравнен своему земному метру.

Ночь сменяется зарею новой жизни, новых целей
И выращивает поле нежных розовых камелий.
Позабытые мотивы бережат чужие мысли

И в зеркальном небосклоне стай бабочек повисли.

Непорочная природа не прощает здесь повинность,
Равновесие – опора, красота – ее невинность.
Здесь в блаженстве воскресают те нетленные творения,
Что ласкались палачами без минуты сожаления.

И в угоду чей-то воли, чьих-то мыслей и желаний
Без научной парадигмы и без твердых оснований
Расцветает над обрывом, где мечты не одичали,
Этот мир, покрытый пеплом перламутра и печали.

«Нет такой благодарности, чтоб отплатить за Победу...»

К 75-летию Великой Победы

Нет такой благодарности, чтоб отплатить за Победу.
Мы навек в неоплатном долгу перед каждым героем.
Совершим же поклон перед теми, чей путь не изведен,
И свои живые сердца перед ними откроем!

В унисон отзываются песни Великой Победы,
Но в минуту стучащего в тишине метронома
Мы услышим эхо войны и взрывы торпеды
И увидим лица тех, кто не вернулся из боя.

И вместе всех героев вспомним поименно,
Пусть большинство из них зовут «Солдат» и «Человек».
Бесстрашные, они собой закрыли Родину, знамена
И подарили нам безоблачный и тихий век.

Священная Победа нежно наполняется весной,
Безоблачным лазурным небом и запахом сирени.
И ярким красочным салютом над страной,
Где отовсюду слышны крики: «С Днем Победы!»

Панорамы ночных огней

Вечернее небо окутано глянцем,
Тушит краски небесных дорог.
Полузимним алым багрянцем
Застывает небесный порог.

Выключает день свои лампы,
Меж деревьев отходит ко сну.
Вечер, присевший у рампы,

Начинает красиво игру.

Зажигаются звезды на окнах
Сотен тысяч высотных домов,
Городская музыка смолкла,
Только слышен скрип холодов.

Город тонет среди декораций
И застывших в партере теней,
И танцуют под бурю оваций
Панорамы ночных огней!

Гротеск

Тихая музыка ветра
Не помнит, не знает границ.
Отголоски фонарного света
Уснули между ресниц.

А утро щебечет задорно
И стелет коврами пути.
Улыбка мелькнет проворно,
И слышится эхо «прости».

Моргает фонарь у аптеки,
И тает фальшивый день.
Души людские – калеки
И чья-то простая мишень.

Все больше границы смывает
Туманной дымки слеза,
Все больше себе позволяет
Бездонных глаз бирюза.

Вот, кажется, ночи пустые
Границы начертят во мгле.
Но снова стоят запятые
У кем-то забытых ролей.

Сам дирижер замирает,
Смолкает ветра оркестр.
И все границы смывает
Придуманный мною гротеск.

За моей спиной – крыло ангела

За моей спиной – крыло ангела,
Белоснежное и надежное.
Он хранит меня, как архангел,
От всего в этом мире грешного.
Ну а если беда нагрянула,
Заслонила от солнца вешнего,
Под крылом его вновь воспрянула,
И становлюсь теперь сильнее прежнего.

Я молитвы шепчу потаенные,
Мои губы рисуют «спасибо».
Сколько капали слезы соленые
У тебя, покровитель, тоскливо?
Впрок не дам обещанья смиренные,
Но как бы ни труден был выбор,
Я прислушаюсь к сердцебиению
И услышу неслышный совет твой.

Богом каждому при рождении
Свой хранитель небесный даруется,
Наделенный огромным терпением,
Он надежной опорой становится.
Хоть незрим, но пути у порога
Надежней любого фланга.
И куда б ни вела жизнь-дорога,
За моей спиной – крыло ангела.

Порода

Звучат нашей жизни шальные аккорды,
То весело-глухо, то печально и звонко.
Мы все одной маститой породы,
И, как ни крути, живем очень бойко.
Теряем друзей, но врагов обретаем,
На плач отвечаем прерывистым смехом,
На боль – новой болью, но тихо мечтаем
О том, что давно не услышится эхом.

Следы замечает отсталое время,
А мы бежим впереди паровоза,
Коней подгоняет медное стремя,
А кровью умыты стальные колеса.
И только подушка знает о многом,

Она в солонину давно превратилась,
И с каждым утром тяжелей у порога
Холодной кровати ей застелиться.

В тумане снов блестят полубоги,
Сияют нимбы над их головами,
А в зеркале кто? Ни живы ни мертвы
Рабы своей жизни в нагом одеянии.
Поспеет когда-нибудь время за нами,
В отместку за все придумает казнь,
Не истребит нашу жизнь в гнилой яме,
Но уничтожит тигровую масть.

«Мой околдованный сон...»

Мой околдованный сон
Тихо поет дифирамбы,
Задан лирический тон,
Плотно задвинут заслон
Возведенной годами дамбы.

Только не сдвинуть уже
Оковы с худого запястья,
Жизнь и забытый сюжет
Вместе сшивает в манжет,
Вспоминая былые напасти,

Исхудалое настроение.
В переплете книжных страниц
Потеряно к целям рвение,
На чьи-то глупые мнения
Воздвигнута пара бойниц.

И смех не от слез тревожных
Разбудит ночной дурман.
Во снах забываться сложно,
Ведь нас обнимает безбожно
Нарисованный нами обман.

Седые кисточки мокнут
В скудных красках зари.
В картинах неслышно утонут
Цитаты, что стали законом,
Писателя Экзюпери.

«Избиты все слова и фразы...»

Избиты все слова и фразы,
Как древний мир, как старый клен,
Поникший под моим окном.
Слепят глаза пустые стразы.
Теперь им песенки поем,
И красим ими даже сон,
И чистим от налипшей грязи.

А бриллианты не в чести,
Не уставая, жадность гложет.
Приобретать то, что в разы дороже
Не модно, как тут ни крути.
А если кто-то скажет «может?..»
Его и взглядом уничтожат,
Из социальных вынут паутин.

А продавать себя задаром –
Талант любого человека
С начала жизни до начала века,
А после изнывать себя запаркой.
Не потому ли старая телега
Ползет невольною калекой,
Как человек в тумане обветшалом?

Мелодия

Несмолкающие ноты льются к звездам,
Лунный свет им щедро дарит тишину.
Раскрыть душу музыке не поздно,
И не поздно в ней всем сердцем утонуть.
Гармонично и блаженно сочетание:
Красота, любовь, поэзия и жизнь.

Но без музыки их ждет сгорание,
И останется один кленовый лист.
Потому мелодия нам в руки не дается,
Вольной птицей воспевает небеса,
Наслаждением всегда назад вернется
И наполнит теплым ветром паруса.

Четыре гномика

Четыре гномика бежали по дорожке,
У них замерзли ручки, у них промокли ножки.
А дождь и ветер без остановки хулиганят,
Идти гулять куда-то они уже не манят.

Шапочки слетают с взлохмаченных макушек.
В дождевичках зеленых гномики похожи на лягушек.
Им встретился в пути колючий серый ежик,
Но от испуга спрятался в остренький клубочек.

Вот в темноте видны черты высокого грибочка
Под сильной кроной широкого дубочка.
В окне бесшумно мелькает огонек,
Как неостывший желтый уголек.

Четыре гномика добрались до дома!
Здесь сухо и тепло, и мягкая солома.
Трещит огонь в камине, пахнет вкусной кашей,
Дождь и свистящий ветер здесь уже не страшен.

Немые сонеты

Под сводом дикого винограда
В холодных сумерках старого вечера
Находит сердце большая награда –
Немых сонетов песня щебечущая.

Закат в прозрачной небесной лазури
Невольно тает, касаясь забвения.
В подушках облачного наполнения
Родится звезда в витражной гравюре

И тихая ночь. Полузакрытые веки
Одарит Морфей блаженным дождем,
И можно увидеть, словно бы днем,
Сны, миражи и Эдемове реки,
И то, как месяц на звезды наводит лорнетты,
И то, как поются немые сонеты.

Совесть

Душа человека просторна, тепла,
В нем многие чувства живут не спеша.
Но где-то на самом глубоком доньшке
Живет в полусонной дремушке
Маленький пушистый лохматый зверек
И греет душевный свой уголок
Сладкими фруктами и вкусными снами,
И грезит о чем-то, но только ночами.
А имя загадочного героя повести –
Простая людская Совесть.
И зверьку хорошо у человека внутри
Жить тихо, спокойно от зари до зари.
Он спит, как котенок, и ест, как щенок,
И часто – веселый забавный зверек.
Но если проснется в дурном настроении,
Коготками скребется в большом нетерпении,
Не может никак себе места найти:
То выть начинает на полупути,
То спрячет свой носик куда-то под кресло,
То носится по душе бесполезно,
То горько плачет, скулит и трясется,
То нервно фыркает, будто смеется.
Покуда Совесть не сумеет успокоить,
Зверек так и будет внутри беспокоить.
А коли смело и честно поступишь
И извинения в себе не заглушишь,
То Совесть – опять веселый зверек,
Сытый и сонный, хранит уголок.

«Невольный вдох тревожит тишину...»

Невольный вдох тревожит тишину,
Петляют мысли в лабиринтах лжи.
Тускнея, луч бесследно утонул
В прозрачном дне его морской души.

Лелеет ветер волны серебра
И укрывает тучами седыми,
Снимает солнце слезы янтаря
И дарит брату звезды золотые.

Ночь начинает править в полусне,
Стирает грани, умывает очертания.
В далекой удивительной стране
Под звуки флейты оживут воспоминания.

«Дождем умытый день окутал тихо плечи...»

Дождем умытый день окутал тихо плечи
Тонкой шалью грусти. В немой и сизой мгле
Считают тени раны, пьют некрепкий хмель,
Горящего боятся пламени от свечи.

Но нежными цветами пробивается тепло
И нежность, вскормленные рифмой Данте.
Его сонеты – мелодичное анданте,
Которые в мечты умело увлекло.

И оттого уже не грустно, а немного сладко,
Улыбка придает румянцу легкий шарм
И спелый цвет взволнованным губам,
В глазах мелькает скрытая загадка.
И тонким крылышком ниспала простыня,
На вечер эпиграммы оброня.

Поэзия города

Благозвучно дыхание морозной ночи,
Застывают сны над каплей дождя.
Над покрывалами туч месяц захочет
Земной поэзии пару страниц почитать.

Слегка раздвинет перины он душные.
Впитает предзимний воздух ночной
Его свет. Туманы дымные, ушлые
Стирают шрифты под чьим-то окном.

Тогда спустит месяц фонарики звездные,
Поэзию города подсветит себе.
На темных улицах путники поздние
Напишут поэму о разной судьбе.

Печально месяц головой покачает,
Трагикомедий вкусив купажи,
И для людей как добрый посланник
На небесных просторах создаст витражи.

«А счастье любит тишину...»

А счастье любит тишину,
О нем ты не споешь, не скажешь.
О нем молчать лишь только станешь
И в снах своих, и наяву,
Ведь счастье любит тишину.

Когда у самого порога
Котенком заскребется в дверь,
Не прогоняй, ему поверь.
Впусти и обогрей немного,
Не оставляй у самого порога.

Ты вспомни день без счастья своего,
Как птицы вовсе не щебечут,
Как в сердце быстро тухнут свечи,
Поется песня тяжело
В том дне без счастья твоего.

Но если счастьем день наполнен,
В душе гармония цветет,
И пчелки дарят сладкий мед,
И аромат цветов наполнил
Тот день, что счастьем наполнен.

Но счастье любит тишину,
Его храни ты в сердце потаенно.
Не обсуждай его безвольно,
Чтобы его не отпугнуть.
Ведь счастье любит тишину!

Александр Клюквин

Родился 24 ноября 1979 года в Выборге (Ленинградская область), некоторое время жил в Санкт-Петербурге.

Стихи начал писать в 1995-м, но до 2010 года сжигал рукописи. В 2010-м знакомые музыканты случайно нашли уцелевшую тетрадь со стихами Александра и буквально заставили вынести их на всеобщее обозрение в интернете. С тех пор Александр Клюквин издал три сборника стихотворений: «По ту сторону амальгамы» (2015), «Исповедь змееносца» (2016), «Архивариус снов» (2017).

Александр Клюквин является номинантом национальных и международных литературных конкурсов: «Наследие», «Страна березового ситца», «Русь моя», «Георгиевская лента», «Поэт года». Печатался в журналах «Русская строка», «Поэзия северной столицы», «DRAM-лирика». В данный момент приглашен к участию в американском литературном журнале «Dovlatoff». В ближайшем будущем Александр планирует издать очередную книгу с избранными произведениями с 2010 по 2020 годы включительно.

Ода России

Пышно стелется зелень коврами,
Растворяясь неспешно вдали.
То лесами цветет, то лугами
В благодарность просторам земли.
Свежескошенных трав ароматы
Заставляют чуть глубже дышать.
Песне клевера с нотками мяты
Не устанет душа подпевать.
Разольется сердечной балладой
Созерцанье пейзажей родных.
В них и гордость моя, и отрада,
И торжественность истин простых.
Шелестят ли тревожно березы,
Прогибаясь под силой ветров,
Или майские буйствуют грозы,
Словно искры гигантских костров, –
В одинаковом трепете буду
Восторгаться величием мест,
Где Господь завещал сбыться чуду
И природу посеял окрест.
Будь то воды реки безымянной
Или золото хлебных полей,
Будь то краски весны долгожданной
Или краски осенних аллей –
Невозможно насытить красою
Благодарные Богу глаза.
Лишь дрожит в них невольной слезою
Вековечных небес бирюза.
Оставайся же кладезем света,
Береги все родные края.
Процветанья и долгие лета!
Будь здорова, Россия моя!

От расхристанной души

Рассупонюсь я навстречу солнышку
Да пойду вслед за взором, расхристанный.
Я пойду по бескрайнему полюшку,
Разбудив смехом воздух несвистанный.
Разольется мой глас кличем благодати
По колосьям, что налиты золотом,
В обуявшей меня светлой радости
Кулаком по груди, словно молотом.

Не сыскать мне в заморских угодиях
Чем-то схожее с этим раздолие.
Только здесь в соловьиных мелодиях
Гоже чуют родное приволие.
Только здесь небеса дюже синие,
Как в лугах васильки, благородные.
И березок стволы, будто в инее,
До волнения сердцу угодные –
Давят слезы из глаз, окаянные,
Но не те, что роняют от горести.
Величавости див перевозданные
Прорастают в душе древом гордости.
Уповая на заповедь божию,
Я молюсь за нее, за родимую:
Сохрани для потомков пригожую,
Защити от напастей любимую.
Огради от любого чудовища,
Чтобы не посягнула, негодина.
Она паче любого сокровища,
Она паче всего, моя Родина!

Пленник мая

Всколыхнулись зеленые травы,
Потянулись к весенним лучам.
Над землей облака величаво
Ищут свой неизвестный причал.
Я неспешно иду по тропинке,
Что бежит по бескрайним полям.
Осторожно сдуваю былинки,
Обращаясь к ним, словно к друзьям.
Тишина и покой перевозданный
Зачерстевшую душу пьянит.
Я нечаянный гость и незваный,
Но ничто тут меня не корит.
Одиноко пестреют березы,
Наслаждаются майским теплом.
На их листьях роса словно слезы
Мне напомнит о чем-то былом.
Ветерок по просторам волнами
Шелестит, как далекий прибор.
Я иду, окрыленный мечтами,
По забытой тиши вековой.
Только глухо пророчит кукушка,
Призывая ценить каждый день.
Вот и леса граница – опушка –
Изловила меня в свою тень.

Ароматами веток еловых
Полной грудью сполна надышусь.
Свежих смыслов и чаяний новых
У родимой земли наберусь.
Поклонюсь – мне не стыдно – природе,
Ведь она – как заброшенный рай.
Я стал пленником в этой свободе
И в тебе, расцветающий май...

Олег Лубенченко

Родился и вырос в городе Северодвинске Архангельской области, где и живет в настоящее время.

В 1989 году окончил среднюю школу, а в 1995 – электромеханический факультет Санкт-Петербургского государственного технического университета. В настоящее время работает по специальности.

Космос как предчувствие

Ночное небо, как давно
оно знакомо нам!
А впрочем, сколько ни гляди,
что ты увидишь там?

Луну и искры сотен звезд,
что в темноте горят,
как будто в небе кто-то их

рассыпал невпопад.

Но лишь однажды человек
по-новому сумел
во тьме ночной взглянуть на мир
иных небесных тел.

Как только смог он разглядеть
немного ближе их,
направив в небо в первый раз
творенье рук своих,

разверзлась бездна, до краев
загадками полна,
да и не можем мы пока
ни края и ни дна

увидеть или уж тогда
хотя бы угадать,
как далеко он, этот край,
и где его искать.

И все пытаемся мы вновь
подальше заглянуть,
чтобы среди безмолвных тайн
узнать хоть что-нибудь

о многих сотнях тысяч звезд,
что в космосе своем
и там, и тут во тьме ночной
рассыпаны кругом.

И много сотен, ну а может быть,
и тысяч лет назад
вот так же в небо устремив
во тьме пыливый взгляд,

пытался где-то человек
все звезды сосчитать,
стремясь за свой короткий век
хоть как-нибудь понять,

что значит этих тысяч звезд
движение, что кругом
уже давно наш небосвод
все кружит день за днем.

И как же в голову пришло
кому-то и когда,

что наше солнце среди всех –
такая же звезда?!

Земля – единственный пока
наш старый общий дом
среди других планет и звезд,
разбросанных кругом,

и мы в бездонной пустоте
куда-то вместе с ним
на нашей маленькой Земле
за годом год летим...

И, разорвав препоны всех
устоев и основ,
рождались мысли иногда
о множестве миров,

в бескрайней черной пустоте
укрытых тут и там
среди туманностей и звезд,
что ночью светят нам.

И что оттуда кто-нибудь
в свой судьбоносный час
в конце далекого пути
здесь сможет встретить нас.

А кое-кто еще порой
мечтал и сам дерзнуть,
к иным мирам отправив свой
корабль в далекий путь,

лишь в бесконечный тайн рудник
среди Вселенной всей
он своим разумом проник
и алгеброй своей.

И вот в наш двадцать первый век,
что на дворе, когда
подобно птицам человек
летает без труда

и свои дерзкие мечты
он воплотить сумел
и до бездонной высоты
иных небесных тел,

что видел в небе по ночам,

теперь он смог достать,
и наконец-то теперь сам
он смог там побывать.

И хоть теперь уж человек
летает в космос сам,
но вот в наш двадцать первый век
насколько ближе к нам

стал космос и вся бездна звезд,
рассыпанных кругом,
где мы со всей нашей Землей –
частица пыли в нем?

И что еще нас может ждать
при встрече где-то там,
в холодной бездне среди звезд,
что светят по ночам,

где даже время прежний свой
подчас меняет ход
и за мгновенье вечность вдруг
проносится вперед?

Как любопытен человек
и хочет все узнать,
и даже то, что до сих пор
не в силах он понять!

И те догадки, что сейчас
всему наперекор
за сотни лет дошли до нас
еще с тех давних пор,

когда лишь только человек
в начале всех начал
врата в далекий трудный путь
в науке открывал,

быть может, их достали вновь
из старых сундуков,
где те пылились, словно хлам,
в течение веков

недаром, и теперь они
повсюду там и тут,
нам наконец-то в наши дни
свет истины несут?

А может, правда, что на нас
не только солнца свет,
но и движение всех тех
созвездий и планет,

что в ночном небе тут и там
рассыпаны кругом,
лишь как, пока не ясно нам,
влияет день за днем?

А в бездне, что во тьме ночной
разверзлась в тишине,
в холодном свете звезд, порой,
казаться стало мне,

что звезды, что ночной порой
мерцают и горят,
чуть слышно вновь и вновь со мной
о чем-то говорят.

Но чувства, что у нас у всех
всего как будто пять
загадок, что и в наши дни
кругом не сосчитать

еще пока что до конца,
открыть не могут нам,
и мы в догадках до сих пор
блуждаем тут и там.

И космос, как бывает вдруг,
мне кажется, подчас
не только где-то там вокруг,
а прямо внутри нас.

Без названия

Среди других картин в музеях
порой часами я готов
смотреть на женские портреты
работы старых мастеров.

Природа здесь свои творенья
явила, видно, неспроста,
и вот теперь как наважденье
волшебных линий красота

порой пленяет безнадежно
тех, кто однажды в свой черед
лишь невзначай, неосторожно
к картине ближе подойдет.

А ведь когда-то губ лобзанье
кому-то довелось вкушать
и пить пьянящее дыханье,
и эти плечи обнимать...

И вот лишь эта тень с портрета
глядит себе куда-то вдаль
и за немой игрою света
скрывает легкую печаль.

Пора жестоких лихолетий
и бед без меры и числа
очарованье тех столетий
с собой навечно унесла.

И, как один поэт заметил,
взамен любви земной пока
лишь только нам на этом свете
остались вера и тоска,

остались горечь и тревога,
и эта серая печаль,
и жизнь, как долгая дорога,
что нас ведет куда-то вдаль.

И мы – как грустный серый табор,
что все бредет себе вперед,
куда – и сам не зная толком,
всю свою жизнь, за годом год.

В каком грядущем поколении
скупая жизнь кому-то вновь
за это долгое терпенье
вернет надежду и любовь?

Когда-то вновь и без сомнения
вернет кому-то, а пока
хватило б сил нам и терпенья,
дорога наша далека...

Пчела и мотылек

басня

В лесу, что лишь только
проснуться успел,
порхал мотылек,
что сюда прилетел,
покинув свой дом,
где порою ночной
повсюду царят
тишина и покой.
Он, радуясь яркому солнцу,
как мог,
порхал безмятежно
с цветка на цветок,
пыльцу, словно манну,
вкушая порой,
ее запивал он
прохладной росой.
Внезапно, качаясь
на ярком цветке,
жужжанье услышал
он невдалеке.
Под ношей тяжелой,
что только могла
с собой унести,
пролетала пчела.
– Ты что? – вслед пчеле
громко, как только мог,
с цветка своего
закричал мотылек.
– Да ты оглянись
на мгновенье кругом,
ведь что видишь ты
в этом улье своем?
А здесь солнце светит
и птицы поют,
какие цветы
на поляне цветут!
Бросай ты свой мед
и давай же скорей
прохладной росы
хоть немного попей,
а после со мной, –
продолжал мотылек, –
летим кувыркатся
с цветка на цветок!

Ведь жизнь пролетает
так быстро у нас,
и дорог нам каждый
оставшийся час!
– Ах, если б работу
я бросить могла, –
в ответ мотыльку
прожужжала пчела. –
Уж кем установлен
порядок такой,
что всю свою жизнь
остается пчелой
пчела, что всю жизнь
день за днем напролет
из леса в свой улей
таскает свой мед?
Вот ты безмятежно
порхаешь кругом,
не зная забот
никаких ни о чем.
А будет нужда,
то и стол ты, и дом
сейчас же отыщешь
под каждым кустом.
А я проживаю
недолгий свой век
лишь только затем,
чтобы съел человек
весь сладкий мой мед,
что с нелегким трудом
всю жизнь собираю я
в улье своем.
А если б я стала,
как ты, мотылек,
с утра кувыркаться
с цветка на цветок,
то все бы подумали:
ну и дела!
Как, видно, совсем уж
свихнулась пчела!
Ах, кто бы в порочный
порядок вещей,
что всем миром правит,
вмешался скорей!
И пчелы, что заняты
в улье своем
тяжелой работой
и ночью и днем,
как бабочки, дружно

пустились кругом
порхать безмятежно,
забыв обо всем.
А если и нет,
хоть на маленький срок
глотнуть бы нам, пчелам,
свободы глоток!
Но нет, никому
нету дела до пчел,
и кто бы, однако,
в наш век ни пришел
порядком вещей
в свой черед управлять,
все так же кругом
повторится опять.
Ломать неизменный
порядок вещей?
Да проще на все это
плюнуть скорей!
Ведь если ты что-то
изменишь не так,
молва пронесется:
какой же дурак!
Мол, только все напрочь
испортил кругом,
ни уха ни рыла,
не смыслит ни в чем.
Нет, лучше, как прежде,
прорехи латать,
что где-то кругом
вылезают опять.
Быть может, конечно,
порядок не тот,
все как-то не так
в нашей жизни идет.
Но это же все
не по нашей вине,
к тому же у нас
образцовый вполне
порядок, который
какой-то не тот,
и сбоев пока еще
он не дает.
А пчелы, как им
ни бывало ни в чем,
влачат свою жизнь
в этом улье своем
как прежде, всю жизнь,
день за днем напролет

без устали в улей
таскают свой мед...
Однако давайте
представим, что вот,
как это ни странно,
пришел в свой черед
и стал этот старый
порядок менять
инкогнито, что
нет нужды называть.
И пчелы, свободы
глоток за глотком
набравшись как следует
в улье своем,
давай меж собой
день за днем обсуждать,
как им дальше жить
и что нужно менять.
Ведь вон на лужайке
лесной мотылек
все лето порхает
с цветка на цветок
без всяких забот
день за днем напролет,
вот только неясно,
откуда берет
себе пропитанье
при жизни такой,
вели разговор
пчелы между собой.
Но что-то не ладится
дело у пчел,
уж в улье за месяцем
месяц прошел,
и как ни пытались
и эдак, и так,
но все что-то им
не исправить никак
сложившийся старый
порядок вещей:
в чем дело – никак
не поймут, хоть убей.
Одни говорят:
– Дело, видимо, в том,
что все мы свой мед
в общий улей сдаем.
Пчела, что весь день
собирает свой мед,
и трутень, что рядом с ней

в улье живет
всю жизнь, и ведь как
ни бывало ни в чем
свой мед получают
за общим столом.
Пора прекратить
беспорядок такой
и выкинуть трутней
из улья долой.
Другие кричат:
– Может, мы кое-как
свой мед собираем
и в улье бардак?
Все будет как надо,
и дело пойдет,
коль будет у нас
голова-пчеловод.
Быть может, и так,
только где его взять?
Поди-ка найди,
это легче сказать...
Мне тоже, читатель,
как это ни жаль,
никак не удастся
из басни мораль
извлечь, так не будь же
ко мне слишком строг,
хоть сказка и ложь,
да содержит намек.
Намек, что и сам
без труда ты поймешь,
когда до конца
эти строки прочтешь.
Черту подводить
в конце басни такой,
пожалуй что, нам
еще рано с тобой...

Юлия Погорельцева

Поэт, прозаик, юрист, экономист, психолог. Коренная петербурженка. Много лет преподавала на экономическом факультете СПб ГТУ РП, СПбИГО.

Автор многочисленных публикаций по психологии управления, лидерству, менеджменту и логистике, автор порядка 70 печатных работ, ряд которых переведен на английский и немецкий языки; нескольких поэтических сборников, нескольких десятков песен, песенных стихов.

Член Российского авторского общества. Член Интернационального Союза писателей. Член Союза деятелей культуры и искусства. Член экспертного жюри Международного фестиваля детско-молодежного творчества «Кубок России – Ассамблея искусств» (2020).

У глади незабудковых озер

Здесь души наполняются любовью,
и как же хочет сердце под закат
отпить глоток и красотою слова
зажечь огонь
и поместить в твой взгляд!

И согревать, и баловать собою
у глади незабудковых озер,
где волны и дыхание прибоя,
и сосны у подножья рыжих гор...
И, расстилая берег золотистый
под плеск воды, желание и страх,
огонь любви животворящей искрой
к нам низойдет и стихнет... на губах...

Мастер-время

Любовь!
Вдохнуть, расправив плечи,
наполнив ароматом грудь...
Кто говорит, что время лечит?
Оно раскраивает путь...
И перед нами разной лентой
раскинет множество дорог,
Одним – по ровному и светлой
шаги отмерит наперед...
Другим же – бури и страданья,
А третьим – краешек заплат
чужой любви и ожидания
любовных краденых наград.
И я хочу любви и страсти!
И мне бы в очередь! Я жду!
Возьми лекало, время-мастер,
и нож портняжный... Я иду!

Голос в ночи

Я слышу голос
В воздухе ночном,
Он льется, прерываемый ветрами.
И, кажется, уже наполнил дом,
И тает расстоянье между нами.
Сияние – луна сдвигает тюль,
Уверенно протискивая блики,
И ароматом плещется июль
В кустах жасмина, кажущийся диким.
А голос
Ближе,
Мягкая волна
Окутывает так неуловимо
Дыхание...

По коже...
И полна
Душа воспоминанием – «Любима!»
И это чувство, голос, тихий звук...
Откуда он? Где бродит до рассвета?
Но мысли разрезает мерный стук
Часов и сердца
На ладони лета...

Под дождем

Распахнутое небо.
Под дождем –
Размеренные ледяные струи,
А мы с тобой счастливые, вдвоем,
И общий зонтик цвета поцелуя.
Спешит прохожий, и плывут авто,
И блики расплываются в разводы,
Я в желтом кашемировом пальто,
Спустившемся, как солнце, с небосвода.
Идем вперед.
Застеленный в гранит,
Под каплями притихший сонный город,
А нас к себе так истоиво манит
Закат, укрытый в эти дождь и холод.
И там, где в алых бликах
облака,
Волна Невы касается объятьем,
Мое тепло возьмет твоя рука
И нас с тобою обвенчает счастьем.

Сияет и искрится шелком пряжа

Намотанные чувства на кулак,
Сияет и искрится шелком пряжа –
Душа моя свои надежды вяжет,
И вяжет привкус грусти на губах...
Черемухи
Развеялся туман,
Опали лепестки вчерашних вишен,
Склоняются бутончиками ближе
Былых восторгов счастье и обман...
Любовь
Устало катится клубком,
Стучат в работе маленькие спицы,

И вот уже умело мастерицей
Моя судьба, покрытая платком,
И золотом, и дивными цветами,
Расписанная радугой в рассвет,
А спицы вьются, и сияет свет,
И вспыхивает, и беззвучно тает
Клубок
еще не позабытых чувств,
Вишневый лепесток и след безумств.

Моя любовь тебе навстречу

Свеча пылает. Время вечер.
Искрятся нежность и печаль.
Моя любовь к тебе навстречу
Спешила... Опоздала... Жаль...
И потерялась в перекрестках
Среди осин и тополей,
Блуждая так легко и просто
По буйной памяти моей...
Надежды... Вы укрыли годы,
Закутав часть души в пыли...
Морщиной возле глаз невзгоды
На карте жизни пролегли...
Часы идут, а свечи тают,
И застывает в каплях воск,
Их словно скульптор, отсекая,
На расставания нанес...
Слеза соленым по ресницам,
Сомкнувшим грусть под сенью век,
Спешит свободой насладиться
И увеличивает бег...
Но неприкрытая в одежды,
Еще зовущая душа
Глоток надежды, чистый, свежий
Мне преподносит не спеша...

Наталья Пономарева

Поэтесса и певица из города Ярославля – официальной столицы Золотого кольца России.

В детстве окончила художественную школу с красным дипломом. Является магистром филологического факультета Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского. Участница пятого международного музыкального конкурса компании МТС «Телеком Хит» (2015). Номинант на национальную литературную премию «Поэт года – 2017». Имеет дипломы Марины Цветаевой, Бориса Пастернака, Владимира Набокова и А. П. Чехова, а также благодарности Совета министров республики Крым и Министерства культуры и туризма РФ.

Три главных цвета России

Забрезжил рассвет, я тобою живу...

Танцуют по ветру колосья...
Мечтаю о лете, и клены зовут
И снова в Россию уносят!

Плывут корабли у Крымских высот...
Три главных цвета России
Расплещутся в солнечном блеске мостов
И в память врежутся с силой!

Я слышу родную русскую речь
Прекраснее пушкинских строчек!
Прошу Бога Ладу нас всех уберечь
От зла и ошибок. И точка!

О майские дни! День Победы зовет
Пойти к ветеранам на площадь,
И пусть соловей весь июнь мне поет,
Как сладок кленовый листочек!

Кленовые листья, цветов маскарад
Весною и осенью дивной...
И русский поэт будет больше всех рад,
Что жил и родился в России!

Лето под знаком Франции, кофе и суфле «Жардан дю Монд». Гадание на кофейной гуще *отрывок*

Вступление

Я вижу живопись в огне –
Калейдоскоп вчерашних истин
Шокирующего всех Рабле,
Флобера и Дюма в кленовых листьях.
Я жар поэзии Вийона обрушу на Россию разом –
Вкуснее галисийского бульона она окажется
И круассанов в шоколаде...

ЧАШКА КОФЕ № 1

Троянская война и Греция на кофейной гуще

Я вижу солнечную Грецию!
Эллада, о, прошу, танцуй и пой!
И Афродита метит прямо в сердце –
Любовь к Элладе навсегда!
О Греция! Я снова Твой король!

Афина и Арес сплелись в узлы любви тугие,

Объятья их так крепки и прочны,
Что страсть ликует на полях сраженья...
Троянский конь! О Троя! Мы все в Афины влюблены!

Так гуца и «Жардан дю Монд»
Мне показали первую картину:
Троянская война и Греции бомонд
На радость всем британским пилигримам!

О Ципрас! Сохрани нам Грецию свою,
Чтоб слышать мы могли твои напевы,
Чтоб ликовали мы в театре наяву
И отдавались нам в любви твои богини-девы!..

Людмила Руйе

Потомок рода Михаила Кошкина, конструктора танка Т-34, из Переславского района Ярославской области.

Людмила признается, что с раннего детства рвалась кого-то спасти – то бездомного котенка, то хромого цыпленка. Хотя помощь чаще всего была нужна ей самой. Однажды зимой она провалилась в прорубь, а летом оказалась на дне реки, сорвавшись с перевернувшегося баллона. Отец уверял, что жить она должна с ними, так как вне дома ее подстерегают одни опасности, и даже учиться отпустил с трудом.

Но потом перестройка сломала устоявшийся уклад жизни, и Людмила смогла начать самостоятельную жизнь в Москве. Ее стремление помогать ближним достигло своего апогея во время работы комендантом общежития строительного треста. Зарплаты задерживались. Одни квалифицированные специалисты становились похожими на бродяг, а другие – на парней из фильма «Бригада». И для тех, и для других она хотела отыскать достойный выход из тупика. Однако, как говорил ей отец, экстремальные ситуации сами находили Людмилу.

Ей казалось, что в Европе получится просто радоваться жизни. Но и здесь внимание привлекли не архитектурные красоты Лувра и собора Парижской Богоматери, а бездомные нелегальные иммигранты, сидящие около них. Видимо, это удел поэтов – счастье добывать через страдание.

Людмила Руйе публиковалась в альманахах «Родники», «Юность», «Очарованный странник», «Спутник». Имеет дипломы участника сборников «Иван Бунин» и «Александр Блок», также публиковалась на литературных сайтах «Стихи.ру», «Общелит.ру стихи». Является членом ассоциации в поддержку русской культуры в Париже «Глагол». В 1996 году вышел роман «Все не так», в 2015 – сборник стихов «Луч звезды».

Русский или француз?

Африканцы, французы, китайцы –
Дети в школу в Париже идут,
Книгами наполненные ранцы
В alma mater бережно несут.

А в глазах горит жажда познания,
Им всем хочется что-то создать,
Получив всемирное признание,
Для потомков в граните стоять.

Это хорошо, конечно, тоже,
Чтоб пришел к ним творческий успех,
Но больше всего хочется все же,
Чтоб согрела любовь души всех.

На уроке на вопрос в анкете
«Легче девушкам иль парням жить?»
Отвечают как один все дети,
Что стыдно девушкой сейчас быть,

Потому что нелепы в футболе,
Выглядят, как коровы на льду,
Да и смотреть одно только горе
Женскую спортивную борьбу!

Тогда как парни на стадионе
Аполлонами кажутся все,
Говорит весь мир о чемпионе,
С ликованием он принят везде!

Тут в почете мегачемпионы,
В спорте отличившийся атлет,
Девушки – как будто б юниоры,
К ним большого интереса нет.

Каждая парням здесь подражает,

Всегда брюки и куртка на ней.
И не поймешь – это пара гуляет
Или встретились двое друзей.

Не то чтобы уступить место
Иль, посторонившись, пройти дать,
Им как будто с женщинами тесно,
Их стараются не замечать.

А коль юбка модная одета,
Макияж нанесен на лицо,
Скажут: «Непорядочная эта»
И вслед бросят острое словцо.

Как от резких движений спортивных
Походит на шабаш их балет,
Так и в любви людей, духом сильных,
Маленькой доли нежности нет.

Встречи парня с девушкой похожи
На переговоры двух коллег.
Не вызывает никакой дрожи
Предложение быть вместе навек.

Есть способность в играх выигрывать,
Взгляд спортивным азартом горит,
А умения нет заигрывать,
Хоть и французское слово «флирт».

Мужчины такие прекрасные
Ходят на Елисейских полях,
С ними мы совершенно разные,
Мимо проходим на всех парах.

При встрече взглянет в вожделинии,
И кажется, что произошло
Все уже в его воображении,
И желанье знакомства прошло.

Мы их идеализировали,
Придали романтический вид,
Резкость черт завуалировали –
И тот образ в Париж нас манит.

Как-то у Лионского вокзала
Спросила мужчину: «Где метро?»
Сопровождал меня три квартала,
Не говоря почти ничего.

Потом сказал, что глаза большие
У меня и в них чудесный свет.
Я улыбнулась: «Слышу впервые
Такой изысканный комплимент».

Упрекнул, что я неискренняя.
Отвечала, что так же, как он,
Потому что рядом Бастилия,
Мне же нужно метро «Gare de Lyon».

Оттого, что уж как бы в восторге
От его хитрости нахожусь,
В его сверхрациональном мозге
Зреет мысль, что вот-вот я влюблюсь.

Очень нравится, что ему рада,
Льстит уже мысль, что он – мой кумир,
Узнавать совершенно не надо,
Что содержит мой внутренний мир.

Ему кажется чистой монетой
Нам присущий несерьезный флирт,
И он, польщенный этой победой,
Ускоряет отношений ритм.

Я про Фому, а он про Ерему,
Оживленье на первых порах,
Только быстро наводит на дрему
Та беседа на разных волнах.

В разговоре на общие темы
Точек соприкосновенья нет.
Нарастают в общеньи проблемы,
Как будто с разных мы с ним планет.

Сам себе обо мне представленье
Он в своей голове создает,
Я не в силах внести измененья,
Довод мой он в расчет не берет.

Что говорит он с моим образом,
Который придумал себе сам,
В общеньи является тормозом,
Не дает вперед двигаться нам.

Ему приемлемо, чтоб свиданье
Прошло так же, как в немом кино:
Через взгляды, чувства, пониманье,
Танцы, поцелуи и вино.

А любовь моя ему – награда
За выигранный с честью турнир,
И на арену вновь идти надо,
Так как не всех еще победил.

Мы, как Д'Артаньян и Констанция,
Встречи будем все время искать,
Но какие-нибудь препятствия
Всегда найдутся, чтоб помешать.

Благородно, красиво – и только,
Так как сгорает острота чувств.
И ощущаешь, что правда горько,
Когда бокал шампанского пуст.

Как оловянный солдатик стойкий,
За тебя драться может как зверь,
Но, сделав жест он этот широкий,
На тебя смотрит как на трофей.

И хочет игру твоя душенька
По собственным правилам вести,
Чтоб, как Карамазовых Грушенька,
Всех могла бы с ума ты свести.

Нам их не переиграть в азарте,
Видят наперед они ходы,
Доверяются козырной карте,
С магией иллюзии на ты.

Но есть средство к женщинам небрежность
Удалить из сердца навсегда.
На них действует русская нежность,
Как в былинах живая вода.

Но небезопасно чувств движенье
Выставлять пред всеми напоказ,
Потому что и все окруженье
Не сводит с нас любопытных глаз.

Их ведь тоже очень привлекает
Самобытных чувств круговорот,
И вот правила игра меняет,
Победит, кто сделал ловкий ход.

А тебе уже, как Эсмеральде,
От сильнейшего не спастись,
Потому что, львам подобно в прайде,

Драться будут на смерть – не на жизнь.

Вырваться из такой круговерти
Мне тогда сопутствовал успех,
И теперь больше всего на свете
Не отличаться хочу от всех.

И пришлось научиться спокойно
Реагировать, чувства все скрыв,
Чтобы, не дай бог, как-то невольно
Не пробудить интереса взрыв.

Предпочту теперь я бессловесно,
Незаметно жить, как Ариэль,
Чем личностью сделавшись известной,
Ввергнуться снова в ту канитель.

Мне самой уже полюбилась
Жизнь спокойная, без суеты,
Нравится к любому здесь терпимость,
Из какой бы страны ни был ты.

Добавить бы только к учтивости,
Чтоб родилась между всеми связь
Русской веселящей игривости,
Глядишь, и любовь бы занялась.

Ведь Париж – это город влюбленных,
Здесь по логике быть не должно
Людей, счастьем семьи обойденных,
Кто, задумавшись, смотрит в окно.

Продолжение следует.

Оскар Ходжаев

Авиценна (Оскар Ходжаев) родился в Туркменистане. С 1970 года живет в России. По образованию – инженер-энергетик, по сути – потомственный целитель-травник (фитотерапевт) и стихоплет.

Раздумья

Наш Мир медленно и упорно,
С тупым постоянством калеки
Превращается в секс-порно,
Теряя облик человеческий...
За власть воюя и за деньги,
Вожди друг другу глотки рвут.

Народы выстраивая у стенки,
Как овец пред бойней, стригут...
Конец печальный ждет народы,
Природа не простит своих обид.
Мстя за жадность и невзгоды,
Человечеству жестоко отомстит...

Небо насупилось сурово
Тучей черной с сединой.
Вдали закат горит багровый,
Туман клубится над рекой.
Дома друг к дружке жмутся
В ожидании грозы ночной.
Березы шумно ветвями трутся,
Осыпаясь желтеющей листвой.
Вокруг витает осени дыхание,
Паук нить последнюю плетет,
А лето перед расставанием
Улыбку солнечную пришлет...
Визжит и стонет стая громко,
Отстоять пытаюсь своего...
А у того похмельная ломка,
И с дозой рядом нет никого...
Бомонд в глубокой печали нынче,
Гнетущий страх засел в груди.
Кнут власти над головами свищет,
От наказания «избранным» не уйти...
Знак сей опасный, неотвратимый,
Пугает изнеженных судьбой.
Они богаты слишком, сыты и ранимы
Возвышались над блеющей толпой...

Вновь осень на земле чудит,
Оголяя деревья, поля, луга...
Печально солнце из-за туч глядит,
Планет безмолвных слуга.
Мерцают звезды в дали Вселенной,
Вздыхая с грустью о былом,
О жизни человеческой, брэнной,
О Планете, пущенной на слом.

Три девицы у Дворца,
Ждали Александра конца.
Говорит одна девица:
«Коли стану я царицей,
НАТО съест всех с корицей».
«Если я царицей стану, –
Другая вторит ей девица, –
Оптом всех продам пиндосам,

На Багамы сама сваю,
Чтобы жрать там ананасы...»
«А если выберут меня, –
Молвит третья им сестрица, –
Все вокруг начну менять.
Поменяю сразу мужа,
Надоел мне он дюже,
Только делает детей
При отсутствии иных идей.
На труселя обменяю бульбу,
Пущу заводы на металл,
Чтобы МВФ кредит нам дал...
Народ отправлю за границу
На полях там веселиться,
Собирать там ягоды и фрукты.
Счастье Запада им пребудет».
Зашумела вдруг вся площадь,
С автоматом тут выходит царь...
Девицы с визгом разбежались,
К благодетелям подались,
Чтобы из ближних этих стран
Плакать, что царь-де был Тиран...

В песочнице Запада вожди
Мир делить заново решили.
От затеи хорошего не жди,
С натуги ума Они лишились.
В плену бредовых вновь идей
Шумит Европа, дымит и тлеет,
Там в фаворе нынче только Геи,
Жажда денег над ней довлеет.

Волчата с волками за кость грызутся,
Какой же прок в том овцам есть?
Волки меж собой всегда разберутся,
Безумств человеческих нам не счесть

Весь мир покрылся плесенью и гнилью,
Больна Элита странною болезнью.
Кровь густеет, мозг страдает без кислорода,
Вселенной кнут настигнет все народы...
В спорах взбесившихся вождей за троны
И претендентов толпы, теснящиеся вокруг,
Над планетой кружащие, как наглые вороны,
Склюют Планету нашу в одночасье вдруг.
Здесь не в моде бургундский шмурдяк,
Что д'Артаньян с собутыльниками ценили.
Пьют люди в Питере виски, водку и коньяк
И обожают по утрам терпкую текилу.

Мир, прогнивший до основания,
Жизнь, оцененная деньгами,
Принесут народам лишь страдания,
Не предназначенные им богами...

В предрассветной дымке
Туман поля накроет.
Оставь на утро все же рюмку
И огурец в рассоле...

Что со Страной станет, когда уйду?
Кто у руля надежно встанет?
Или по рукам соратники пойдут?..
Никита – клоун глупый, шелудивый,
Хотя подлости и амбиций не лишен,
Лаврентий – умен, но бабник плешивый,
Остальные – свора исполнителей тупых.
Страну удержать они не в силах,
Толпа бездарей жадных и больных.
Не вырастил достойного я, к сожалению,
Чтобы врагам мог противостоять...
Пропьют они Союз наш великий,
Любители роскоши и пожрать...
Народы обрекут на горькие страдания,
Разбредутся республики кто куда.
Жадность приведет к противостоянию,
Всеобщая нагрянет на мир беда...
Обо мне вспомнят вновь потомки,
Поняв, что не был вовсе я тираном.
Исчезнут лжи грязные потоки,
Когда поймут, что ушел я рано...

Прекрасен был рассвет туманный,
День дождливый и сырой...
И вечер тихий, прохладный, ранний,
И солнца диск багряный над горой...

Так подробно жизнь ты описала –
Кофе, кетчуп, текила, винегрет,
Без ханжества, ужимок, водки, сала,
Спичек чужих и с пачкой сигарет.

Стареют, уходят артисты,
Режиссеры уходят, сценаристы.
Лишь поэты, в стихах живые,
Словно раны бережат ножевые.
О былом возвращая нам память,
О любви, войне и утратах,

О Рейхстаге, где реяло Знамя,
О polegших за свободу солдатах...

И все начнется сначала, вновь:
Охота, пещера, борьба, любовь.
Прислушиваясь чутко к Природе,
В людей превращаться будут уроды...

Уходит лето, не прощаясь,
В насмешку одаривая теплом...
Цветы, словно чуть смущаясь,
Стоят в нарядах ярких за окном...

Осень – предвестник будущих надежд.
В ожидании Нового года люди и природа
Грустят и радуются, на солнце греясь,
Надеясь на будущую Космическую свободу.

У жизни свои часы и время,
Идет она своим путем.
На земле обитающее племя,
В мечтах к предкам бредем.

Если в ядах вы не шарите,
Обратитесь сразу в Шарите.
Или к бабам, не из варьете,
А к тем, кто Европой вертел...
Они знают толк в политнауках,
Мастерицы интриг эти шуки.
На приличия людские наплевав,
Мир проглотить готовы, как удав...

Дворняжка на барском дворе,
Что за кость облаивает прохожих,
Гордится тем, что объедки ест
И на барина... едой похожа.

Копаем землю все глубже, шире –
Алмазы, руды, газ и нефть...
Планета в печали, тело в дырах,
Обид галактике нам не счесть...

До планет нам рукой подать
По меркам космических расстояний.
Но до них землянам не достать
В силу глупых своих деяний.
Видно, не тем идем путем
В погоне за мелочной наживой.
Словно букашки жадные живем,

Губя все вокруг, покуда живы...

По земле вновь шагает Август,
Тепло последнее нам даря,
На сердца навевая тихую грусть
О цветах, что огнем в садах горят...
Скоро дождями заплачет небо,
В росе умоются травы полевые.
Не веря теплу и солнцу слепо,
Пчелы улья нектаром забили...

Порой пишу тебе я письма,
Но чаще в мыслях, не наяву.
И голос твой во сне я слышу,
Шепчу в ответ: «Люблю... Люблю...»

Тихий вечер, прохладой веет,
Цветы притихли, чуть грустя.
Калина у забора стыдливо рдеет,
Ласточки сбились в стайки, улетят.
Воробьи снуют по крыше беззаботно,
Еды, тепла им вдоволь среди людей.
Зреют овощи упорно в огороде,
Деревня далека от городских страстей...

На бойню стадо погоняя,
Хлещут пастухи кнутом.
А овцы судьбу благословляют
За то, что ведут их гуртом...

Деградирует элита, народ не готов
Без вождей, пастухов, разумом жить.
Превращают людей в послушных скотов,
Лишь Вселенная может проблему решить.
Нынче демос правит миром,
Стонут под гнетом охламоны.
Не слышит стая вопли сирых,
Загоняя в загоны из законов...

Безумный мир рушится привычный,
Иллюзии отбросит человек,
Властвующие элиты двуличные
Отжили отпущенный им век...
Придут на смену иные времена,
Без торгашей поганых и словоблудов,
Иными будут стремленья, письма,
О лжи и горе люди позабудут...

Земля несется ошалело рысью

По задворкам Млечного Пути,
И человечество без цели, мыслей
К началу конца стремглав летит.
Не улетим мы никуда,
Оставьте глупые потуги!
Отсутствие Разума – беда,
Как в хлам изодранная подпруга.

Поправляйте трусы и юбки,
Рубашку, галстук и пиджак,
Помаду, стертую на губах,
И жизнь поправь, коль не дурак...

Хлопка белого раскрылись коробочки,
Над кустами мелькают белые попочки,
Плеть африканца свистит в воздухе,
Чтобы рьяней трудились гринго-олухи...
С ума сходит бомонд, элита,
Шакалы с волками грызутся.
Конец сумасшествия уж виден,
Не успеют трехцентовые переобуться...

Пройдут дожди, и ветер стихнет,
Растают в небе облака,
Земля просохнет после ливней,
Станет кроткой бурная река...
Вновь цветы обрадуются солнцу,
Душе даруя нежный аромат.
Заглянет пчела в твое оконце,
Чтобы на пасеку свою позвать.

Не от любви зависит человек,
Не от дружбы, хлеба и погоды.
Властвуют деньги который век
И придумавшие торговлю уроды...

Когда писали они сказ о боге,
Мечтали о вечном прокорме.
Но ошибка вышла, видно, в итоге,
Веру делят, а бог, наверно, в коме.

Управляют стадом не бараны –
Пастухи голодные и злые псы,
Вещая о добре и зле неустанно,
Себе во благо принуждают жить...

Народ в страхе должен жить,
Не смея защищать себя,
Чтобы пред властью покорным быть,

Лишь надеждой рабской греясь...
Когда однажды человек
Осознает свое предназначение,
Когда поймет, что из века в век
Живет, преследуемый наваждениями,
Он вдруг увидит мир иным
И себя не лишним, чуждым в нем,
Поймет, что он вовсе не царь Природы,
А всего лишь часть Космоса большого,
Родня всем живущим иной породы...

За пару сотен Космических лет
Земля немало пережила бед.
Считают люди, что живут давно,
А на деле – немножечко прошло...
Но не образумились люди с тех пор,
Народ – разбойник, грабитель, вор.
Природу грабят нещадно всюду,
Считая, что от Планеты не убудет...
Но слаб, наивен все же человек,
Не взрослеет, не умнет который век.
Осталось недолго, грядет венец,
Безумству «разумных» идет конец...

Смешною стала жизнь земная,
Богам такого не понять.
Стонут люди, на чудо уповая,
Продолжая от глупости страдать.
Народы, сидя на галерке,
Шутов и деспотов на трон возводят,
Ростовщики смеются в сторонке,
Чинуши тихо за сценой колобродят...

На Руси снега подолгу валили,
Сугробы стояли по окна, крыши,
В лесу треск сучьев был слышен.
На санках катались с горок дети,
На елках висели вкусные конфеты.
Плясали бодро скоморохи там,
Стоял веселый шум и гам...

Есть рабы обстоятельств и желаний,
Рабы веселых компаний безумных.
Но лишь один обрекает на страдания
Народы мира – злата бог для полоумных.

В ночь новогоднюю в подарок нам
С небес посыплются вдруг снежинки.
Сугробы возникнут впервые тут и там,

Вот и закончится декабрь дождливый...

А ночи холодней, но короче.
Где-то Санту везут олени,
А Дед Мороз в санях среди ночи
Везет нам заветные мечты,
Ожиданий куль и радости снежинки,
Любовь, Здоровье и Красоту,
Возможно, и богатства пылинки.

Вот вновь полдень на часах,
Мчится Новый год спяна.
Кто на кухне жрет в трусах,
Кто-то проснулся у «Татьяны».
Все ждут чуда чудного опять
От года, наступившего по плану,
А Планеты по орбитам летят,
Насмехаясь над нами неустанно...
Мы ходим по кругу много лет,
За сто лет сделав полный круг.
Немало испытал народ бед
И к прошлому вернулся вдруг.
Врагов бывших вновь шевроны
Вернулись во славу страны родной.
Рвутся обратно, беглые бароны,
Чтобы быдлом править и Страной...

Слишком много вольностей у стада,
Тем озабочены нынче пастухи.
В загон, в загон загнать всех надо,
Гоняться за каждым власти не с руки.

Переменчивой стала погода нынче,
По приметам нрава не угадать давно.
Морозит летом, зимой дождями хнычет,
Но жизнь продолжается все равно.
Весь мир воспитан на крови,
На жажде богатства и власти.
О предназначении своем забыв,
Люди гибнут в погоне за «СЧАСТЬЕМ»...

Елена Шеремет

Член Интернационального Союза писателей, Международной ассоциации писателей-публицистов (МАПП). Председатель Ассоциации русских писателей Литвы, редактор органа печати ассоциации – газеты «Вильняле».

Автор трех поэтических сборников (2007, 2011, 2016). Соавтор, составитель и редактор ряда сборников поэзии и прозы, в том числе литературного русского альманаха «Литера», сборника поэзии и прозы «МАПП. 5 лет в Литве», «Зов Вильны» (2017). Дипломант республиканских конкурсов и фестивалей русской поэзии в Литве. Серебряный лауреат национальной премии «Золотое перо Руси – 2018» в номинации «Поэзия».

Стихотворения публиковались в альманахах «Российский колокол», изданиях МАПП, в периодической печати Санкт-Петербурга, Вильнюса, Риги, Даугавпилса и Резекне, Софии, в интернет-журналах «Зов» (Венгрия), «Артбухта» (Россия), «ADASTRA» (Литва).

«Закатился солнца яркий шар...»

Закатился солнца яркий шар –
Горизонту вечным оберегом,
Разгорелся в сумерках пожар
Дымом серых облаков на пегом.
Но автомобильное стекло
Сотворило чудо превращения,
И на небо молнией легло –
Шаровой, как будто наважденьем
Солнце дерзкое, июльское, мое,
Осветив свод неба на прощанье,
Устремив стрелу шоссе в проем,
За которым не ночлег – свидание...

«Приласкает солнце небо...»

Приласкает солнце небо,
Разольется тихой негой
По тропинкам сентября,
Красок дивных не щадя...

«Просто осень. Новолуние. Новый день, и ясень...»

Просто осень. Новолуние. Новый день, и ясень
Под окном. Шалит погода, и прогноз неясен.
Солнце рвется сквозь ненастье душу отогреть мне.
Дождь бросает виноградин-капель горсть, отметин
Осени... Вода живая или все же слезы?
Или кто с небес бросает во спасенье тросы?
Из палитры осени краски желтой – липе,
Акварели небосвода черною размыты,
Розовинки-нежности – листикам осины,
Горечь пламени – рябине, алые рубины...
Просто осень. Непогода, и луны капризы.
Уготовила судьба мне разные «сюрпризы»,
Чтобы я понять сумела, что и так бывает...
Говорила бабушка: «Дождь месяц омывает».

«...Как судьбы полотно расшито!..»

...Как судьбы полотно расшито!
То узорами сплошь цветными,
То по белому черною нитью:
Днями скорбными, непростыми.
А то вовсе – заплатки, прорехи...
Ах, как все в жизни важно и зыбко!
Поражения и успехи...
Слезы горькие и улыбки...
Но сдаваться нам не по нраву,
Горы сдвинем – шагаем дальше!
Есть характер... и что нам карма,
Есть душа – для людей, без фальши.

«Я люблю, как и прежде, до дрожи...»

Я люблю, как и прежде, до дрожи,
Каждым вздохом и клеткою каждой...
Ты забыл, что шагреновой кожи
Талисман – не реальность, а жажда
Исполнения желаний и власти,
Обладания всем, что захочешь.
Ты забыл, что за толику счастья
Станет жизнь твоя много короче...
Я, подобно Полине Бальзака,
Душу в кровь исцарапав, простила,
Вызволяю из пут полумрака
Жизнь твою, возвращая ей крылья...

«Разноцветье и разнотравье...»

Разноцветье и разнотравье,
Полифония разноголосицы...
Перед Небом все равноправны:
Жизнь подобно мгновенью проносится.
А мгновенья у всех нас разные
И по времени, и по яркости,
Кто-то жизнь зовет несуразною,
А кому-то достанет малости,
Чтобы с неба звездой, горением
Осветить сложный путь не себе – другим,
Рядом быть в час беды ли, гонения,
Неприятия иль в забвения миг...
Полифония разноязычия.
Что друг другу сказать пытаемся,
Философствуя или о личном
Говоря, но со взглядом светящимся –
Это искорка Божья теплится:
Жизнь почти прожита, осмысленна,
Потому только в лучшее верится,
И не в лаврах путь главный, истинный...

«То ускользают нити...»

То ускользают нити,
То, ощущая вновь
Прочность шелков наития,
Чувствую: это любовь.
И обретает нежность
Столько оттенков, ватт!
Кто из нас больше грешен
В этой – из лучших – расплат?

«А знаешь, все еще будет...»

«А знаешь, все еще будет...»
Только с Верой, Любовью, Надеждой...
Если станем добрее мы, люди,
Заживем даже лучше, чем прежде.
Но для этого разум и воля
Пригодятся не меньше, чем зрение –
Информация режет бемолем!
БОГ есть СОВЕСТЬ. И в этом спасение.

Современная проза

Андрей Белов

Родился 7 декабря 1954 года в г. Москве и в настоящее время проживает там же.

После окончания в 1978 году Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана работал в нескольких научно-исследовательских институтах, в том числе и при Государственном комитете СССР по науке и технике. Инженер-механик. Кандидат технических наук.

По роду работы много ездил по заводам европейской части России, Урала и Сибири.

После начала реформ в стране работал в разных организациях и побывал во многих странах мира.

Свою литературную деятельность начинал в 1990-е годы с путевых заметок.

Последние несколько лет автор полностью посвятил себя литературному творчеству: пишет рассказы. Они широко представлены в интернете на литературных сайтах, в том числе: «Проза.ру», «ЛитРес» и других (всего более 20 сайтов).

Произведения автора в основном посвящены взаимоотношениям современных людей с различным социальным статусом и отношениям их с современным обществом в наше трудное и сложное время реформ.

В то же время автор пишет и в жанре фэнтези и мистики.

Все творчество автора объединяет любовь к своим героям. Как правило, угадать, чем закончится рассказ, бывает невозможно.

Книга «Рассказы» была опубликована в Канаде в издательствах «Altaspera Publishing», «Ридеро», «ЛитРес».

Иконописец

С завода Геннадий Иванович шел хмурый и поникший. А ведь почти месяц назад он уже знал, что завод готовится к закрытию, но эта весть, как и всегда бывает, когда долго ждешь плохих новостей, прозвучала неожиданно и потрясла всех. Как пошел подписывать обходной лист, до того сжало грудь слева, что впервые почувствовал свое сердце, и слезы навернулись на глаза. За последний месяц, отпрашиваясь под тем или иным предлогом с работы, благо руководство шло навстречу, искал завод, на который можно было бы поступить на работу. Бесполезно: приема нигде не было ни на какую должность.

Шел он домой, да вот только ноги не слушались, и как замечал он бар, кафе или какое другое заведение, где водки выпить можно, так они сами старались повернуть к ним. Хотя эти торговые точки и принято называть увеселительными заведениями, а народ не только с радости, но и с горя туда идет. Так издревле было на Руси: грусть, радость, тоску, веселье и все мало-мальски выбивающее человека из его жизненной колеи пытался он оставить на дне стакана водки в кабаке. Сколько веков прошло с тех пор, как были кабаки на Руси, а нет-нет да и сейчас частенько слышишь упоминание его – прижилось это слово, кабак, и может, не столько в русском языке, сколько в русской душе с ее вечной и беспричинной тоской, с ее одиночеством, с ее постоянными поисками ответов на одни и те же вопросы многих поколений русских людей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.